

Tatyana A. Agapkina

Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, Russia

Elena L. Berezovich

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Olesya D. Surikova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia; Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia

Names of Trees in East Slavic Charms

Voprosy onomastiki, 2021, Vol. 18, Issue 1, pp. 9–61

DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.1.001

Language of the article: Russian

Агапкина Татьяна Алексеевна

Институт славяноведения РАН, Москва, Россия

Березович Елена Львовна

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Сурикова Олеся Дмитриевна

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия

Имена деревьев в восточнославянских заговорах

Вопросы ономастики. 2021. Т. 18. № 1. С. 9–61.

DOI: 10.15826/vopr_onom.2021.18.1.001

Язык статьи: русский

Downloaded from: <http://onomastics.ru>

named after the first President
of Russia B.N.Yeltsin

ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
Российской
АКАДЕМИИ НАУК

СТАТЬИ

DOI 10.15826/vopr_onom.2021.18.1.001
УДК 811.161:398.3 + 81'373.22:582.091 +
+ 81'286

Т. А. Агапкина*
Е. Л. Березович**
О. Д. Сурикова***

*Институт славяноведения РАН
Москва, Россия

**Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

***Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
Москва, Россия

ИМЕНА ДЕРЕВЬЕВ В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ЗАГОВОРАХ*

Настоящая статья продолжает цикл работ авторов, посвященных топонимии заговоров и публиковавшихся в журнале «Вопросы ономастики». В ней говорится о собственных именах деревьев (дендронимах) в восточнославянских заговорах (преимущественно восточнобелорусских, восточноукраинских, западно- и южнорусских — это основной ареал рассматриваемой фольклорной традиции). Именованье почитаемых деревьев — достаточно распространенная культурная практика, при этом базовые модели номинации деревьев подчиняются общим механизмам культурной семиотизации значимых свойств растений: наиболее важными признаками становятся

---

* Исследовательская работа О. Д. Суриковой выполнена при финансовой поддержке РФФИ по проекту «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования», № 17–18–01373.

Авторы выражают благодарность С. М. Толстой за ценные замечания, высказанные при знакомстве с текстом статьи.

© Агапкина Т. А., Березович Е. Л., Сурикова О. Д., 2021

размер и раскидистость дерева, ситуативная связь с человеком, место произрастания и т. д. Этим же наиболее общим правилам подчиняется и фольклорная (в том числе заговорная) традиция именования деревьев — однако достоверных случаев «миграции» дендронимов из реальной топонимической системы в заговорные тексты не зафиксировано. Истоки мифодендронимов устанавливаются преимущественно в фольклоре и книжно-рукописной традиции. В статье определяется функциональная принадлежность заговоров, в которых фигурируют ИС деревьев (чаще всего это заговоры от лихорадки и от укуса змей). Имена деревьев разделены на группы с точки зрения их происхождения: отантропонимические (*дуб Евгим, древо ерофей, бяроза Катярина* и др.), оттопонимические (*дуб Мамврийский, дуб-буян, дуб Лукомор* и др.), отэтнонимические (*дуб Сорочинский, дуб верейский* и др.), возникшие путем онимизации апеллятивов (*древко карколист, дуб-стародуб, дуб Ракитаний, Киндяшиное древо* и мн. др.). В работе предлагаются этимологические и мотивационные решения для большинства известных авторам мифодендронимов, многие из которых являются «темными» и до сих пор не были надежно проинтерпретированы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: микротопонимия, имена деревьев, дендронимы, язык фольклора, заговоры, восточнославянские языки, этимология, семантико-мотивационная реконструкция, лингвогеография.

Эта статья является продолжением цикла работ, посвященных ономастике (в первую очередь топонимии) заговоров и публиковавшихся в журнале «Вопросы ономастики». Отличительная черта этих работ — опора на максимально полный корпус текстовых источников. В них шла речь об именах рек и морей (т. е. водных объектов), островов, гор, городов и земель (т. е. «протяженных» объектов на суше) и, наконец, об именах собственных одного типа точечных ландшафтных объектов — камней (в том числе о знаменитом мифоорониме *Алатырь*) [Агапкина и др., 2018а; 2018б; 2019]. Принадлежность дерева, как и камня, к числу точечных ландшафтных реалий — не единственное их сходство. Им приписываются некоторые общие свойства, например крепость. Камни и деревья тесно связаны в мифологии и обрядовой практике — в похоронном обряде (о мотиве дерева на могиле см. [Пропп, 1934; Демиденко, 1987, 86]), в целительных ритуалах, когда люди приносили обеты камням и находящимся рядом деревьям, в художественно-изобразительной традиции, где они составляют сакральный комплекс (краткий обзор литературы о культе камней в лесной зоне Восточной Европы и в частности у русских дан в нашей статье [Агапкина и др., 2019]; о славянских культовых практиках по отношению к деревьям много сказано в недавней монографии [Агапкина, 2019]), и т. д.

Образы дерева и камня сближаются, например, в русских сказках [Демиденко, 1987, 86], а в восточнославянских заговорах они зачастую изофункциональны: оба фигурируют в составе мотива мифологического центра, где наряду с другими точечными ландшафтными объектами (церковью, престолом, столбом, гробницей

и др.) маркируют срединную, наиболее сакральную точку универсума заговоров¹, в которой пребывает персонаж, облеченный высшей властью, ср., например: «На синяя моря, акиани ляжить латарь-камень, на латары-камни Хава-Хавица» (Гомел.) [БС, 120, № 341] и «Есть на мори на окияне дуп Дорофей, под тем дубом сидит баба Соломодея...» (конец XVIII в.) [РЗРИ, 337, № 9]. Нередко камни и деревья выступают в этой роли в связке, совместно, см.: «На море Окияне, на острове Буяне стоит дуб Карпиус. Под ним лежит камень Анатырь...» (Сольвыч.) [Ордин, л. 11] и т. д.

Есть основания предполагать, что функционирование образов дерева и камня (а также других ландшафтных реалий) в качестве маркеров сакрального центра связано не только с фольклорной традицией, но отражает внетекстовую обрядовую реальность — «ритуальную практику, широко известную восточным славянам и связанную с почитанием культовых объектов. Этот сюжетный тип <мотив мифологического центра> описывает путь субъекта заговора к культовому месту христианского, языческого или смешанного типа (церковь, монастырь, часовня, крест, источник, камень, дерево и др.) ради обретения здоровья, исцеления, защиты, туда, где имеется возможность для совершения целительских действий (таких как приношение обета) или обращения к сакральному лицу (напрямую или через посредника)» [Агапкина, 2010, 72; см. об этом также: Агапкина, 2019, 383–385].

Сближаются не только мифологические представления о камнях и деревьях, не только функционирование их образов в тексте заговоров — исследовательский подход к мифооронимам и мифодендронимам должен быть приблизительно одинаковым. В статьях, посвященных именам «протяженных» топообъектов (водных, т. е. морей и рек, и расположенных на суше, т. е. гор, островов, городов и пр.), мы делили топонимы на собственно фольклорные (функционирующие только в фольклоре или даже исключительно в заговорах) и прецедентные — такие, которые имеют источник (прецедент, прототип) за пределами фольклорного текста: в актуальной топонимии Русского Севера, в Священном Писании и др. Однако работа с именами камней и скал — точечных ландшафтных объектов с низкой степенью уникальности (представленных в географической системе любого региона) — убедила нас, что поиски реального денотата для большинства мифооронимов вряд ли оправданны — и их системные ономастические связи нужно устанавливать преимущественно в фольклоре и книжности, а не в ономастиконе, функционирующем вне текста².

¹ Мифологический, или сакральный, центр организован в виде концентрических кругов и тяготеет к трехуровневой структуре, в которой внешний уровень занимают «пространные» географические объекты (сторона, поле, море), на втором уровне чаще всего находится остров, гора, иногда река; на третьем — точечный ландшафтный объект.

² Исключение составляет самое знаменитое фольклорное каменное имя — *Алатырь*. За подробностями отсылаем читателя к цитируемой статье.

Тому же принципу мы будем следовать и при рассмотрении имен деревьев в заговорах: с одной стороны, прототипы среди реальных почитаемых деревьев в данном случае маловероятны; с другой стороны, необходимо учитывать сам факт существования внетекстовых практик почитания деревьев и наделения их именами. Культурное почитание последних известно всем славянам — в зависимости от региона отличаются лишь конкретные ритуальные практики и породы дерева (на юге Славии чаще всего это дуб и бук, на севере — сосна и ель: наиболее крупные и заметные растения). Поэтому заповедные деревья на местности могли встречаться и, по нашим наблюдениям, до сих пор встречаются достаточно часто, т. е. не являются исключительно уникальными объектами, которые могли бы претендовать на то, чтобы стать «референтами» фольклорных образов.

Именование почитаемых деревьев — достаточно распространенная культурная практика (намного более сохранный, чем номинирование камней-следовиков, которые далеко не всегда получают индивидуальные названия или названия которых оказываются забытыми). Чаще всего оно ограничивается присвоением дереву эпитета — отражающего физические свойства растения или «статусного», ср. *Святы дуб*, *Трохгранны дуб*, *Витаўтаў дуб* на территории Белоруссии, *carski hrast* ‘царский дуб’ в Боснии, *ojciec dębów* ‘отец дубов’ в Силезии, *gospodarz lasu* ‘хозяин леса’ в Польше, *царь-дуб* в Белорусском Полесье, *Заветная Сосна* на Русском Севере (Вологодская и Костромская области) и мн. др. Нередко встречается и название деревьев личными именами — деантропонимными (блр. *sasna Куліна*, *Марына сасна*), деагионимными (юж.-слав. *Бурђов даб* — по имени св. Георгия), деэтнонимными (польск. *Sygan* — по поверьям, дуб, на котором повесили цыган) и т. д. В ряде случаев такие обозначения — естественное следствие антропоморфизации деревьев (ср. здесь еще польск. *Doktor* — дуб, возле которого лечили горло и зубы), но чаще всего это «притяжательные» (гоноративные, ситуативные) именованья — в честь реального человека или исторического / библейского персонажа, с которым дерево каким-то образом связано (реально или легендарно) [Агапкина, 2019, 49–51, 79]. Так, одному из авторов этой статьи удалось увидеть именные дубы у замка польских магнатов Красицких в Красичине (Юго-Восточная Польша): около каждого дерева стояла табличка с его именем и датой (например, «Jan, 21 lipca 1865»), соответствующей времени посадки дерева и рождения человека, «давшего» свое имя дереву.

Таким образом, базовые модели номинации отдельных деревьев в реальной языковой практике подчиняются общим механизмам культурной семиотизации значимых свойств растений (а одновременно и механизмам топономинации — именованья точечных ландшафтных объектов): наиболее важными признаками становятся размер и раскидистость дерева, ситуативная связь с человеком, место произрастания и т. д. По всей видимости, этим же наиболее общим правилам подчиняется и фольклорная (в том числе заговорная) традиция именованья деревьев, поэтому в большинстве случаев нет оснований считать, что собственные имена

деревьев могли переключаться из реальной языковой (топонимической) системы в фольклорные тексты: чаще всего речь идет о сопадении номинативных моделей в культурно-языковой и фольклорной практиках³. Значит, как и в случае с именами камней, истоки имен деревьев, функционирующих в заговорах, нужно устанавливать преимущественно в фольклоре и книжно-рукописной традиции.

Итак, мы осознаем необходимость общего исследовательского подхода к именам камней и деревьев в заговорах. При это надо учитывать несколько обстоятельств.

Во-первых, если названия камней чаще всего встречаются у русских (в основном северно- и центрально-русские регионы и Поволжье), в меньшей степени — у белорусов и практически отсутствуют у украинцев, а корпус имен камней содержит порядка 300 единиц (с вариантами), то количество обозначений деревьев значительно меньше — всего порядка 70 имен собственных (далее — ИС), которые совершенно иначе распределяются на карте Восточной Славии: около половины приходится на заговоры восточнобелорусские (более 20 ИС) и восточнукраинские (порядка 10 ИС), а остальные — на русские, среди которых заметное место занимают западно- и южнорусские тексты (более 20).

Во-вторых, надо иметь в виду, что в заговорах фигурирует множество «безымянных» пород — груша, липа, яблоня, верба и др. (подобно тому, как в заговорах известно большое количество таких же «безымянных» камней), но ИС присваиваются почти исключительно дубу (единично липе и березе⁴). Такая номинативная селекция, казалось бы, обусловлена главенствующей позицией дуба в славянской дендроиерархии: это культовое дерево, одно из самых мощных в дендрарии, оно является символом крепости, силы, здоровья и долголетия, статуса, власти, мужского начала и т. д. Но вместе с тем у восточных славян лексема *дуб* воплощает также и представления о дереве вообще, о дереве как родовом понятии (в отличие от пород-видов); в фольклоре это слово часто обозначает нечто сделанное из дерева [Агапкина, 2019, 73–75] — и все это полностью согласуется

³ Исключение представляют имена деревьев в преданиях и быличках, жанрообразующим свойством которых является апелляция к внетекстовой реальности: их сюжет разворачивается вокруг конкретных деревьев в той или иной местности, хорошо известных рассказчику. Так, в преданиях из Мещовского уезда Калужской губернии говорилось о двух старых дубах близ с. Медведки, где собирались колдуны, колдуньи и ведьмы для своих забав, поэтому злой женщине в пылу ссоры могли бросить такой упрек, намекая на ее отношение к колдовству: «Що ты так зла, ай давно на Медведских дубах не была?» [Ляметри, 1862, 28–33]. В с. Скулин Ковельского района Вольнской области на всю округу была известна *Чорна хвоя* — высокая сосна, на которую ведьмы прилетали из самого Киева. Она была такой всегда, и никто не помнил ее маленькой, поэтому местные говорили: «Коли Чорна хвоя звалиця, буде кунець сьвіта. Тре шось посадити там, певно — три сосенки» [Ошуркевич, 2010, 117]. В с. Трояновка Луцкого района Вольнской области стоял некогда так называемый *Мальків дуб*, на который слетались ведьмы чуть не всего света [Давидюк, 1993, 14–16]. Подробнее о соотношении реальных топонимов и преданий см. в [Березович, 2010, 158–209].

⁴ О причинах возникновения в заговорах «именуемых» липы и березы см. ниже, в разделе «Отантропонимические мифодендронимы».

со статусом *камня* в заговорах (родового понятия, не специализированного «по породам» и при этом наделяемого ИС). Иными словами, в сакральном центре восточнославянского заговора чаще всего оказываются камень вообще или дерево вообще, во многих случаях называемое *дубом*⁵.

* * *

Покончив с предварительными замечаниями, необходимыми для стереоскопического видения читателем описываемой мифономастической ситуации, обратимся к материалу. Он извлекался из коллекции восточнославянских заговоров XVII–XXI вв., находящейся в распоряжении авторов и насчитывающей более 30 тысяч текстов разного объема и разной функциональности, устных и рукописных, более всего русских и в меньшей степени украинских и белорусских. При этом авторами не учитываются молитвы и их переработки, духовные стихи и некоторые другие тексты, не относящиеся к собственно заговорам (в том числе «Сон Богородицы»), но использующиеся в их функции, а также заговоры из отдельных популярных источников, вызывающие сомнения в их подлинности (из собраний И. П. Сахарова, М. Забылина и некоторых других). Совокупность этих обстоятельств определяет, в частности, различия между нашим дендронимиконном и списком ИС деревьев из книги А. В. Юдина [1997].

Как уже говорилось, на сегодняшний день известно порядка 70 фиксаций имен деревьев в восточнославянских заговорах. К ним примыкает значительное количество наименований, занимающих промежуточное положение между ИС и характеристическим определением (или постоянным эпитетом).

Чаще всего ИС дерева (как и образ безымянного дерева, дерева вообще) появляется в составе мотива сакрального центра, куда стремится субъект заговора и где находится персонаж, облеченный высшей властью и потому способный помочь субъекту разрешить некую кризисную ситуацию (порядка 60 фиксаций), например: без указ. м. «На горе Фаворстей, под дубом Мамврийским ту седяху Сихаил, Михаил, и ту собрашася вся силы небесныя, ангели и архангели, херувими и серафимы...» (XVII в., от трясавицы) [Лахтин, 1912, 47, № 505; Майков, 1869, № 105]; «На поли, на кияни стоиць дуб Ракитаний, на том дуби 12 кокотов, на тих 12 кокотах 12 цяцюх <...> выходзица з р. б.» (Могилев., от лихорадки) [БС, 171, № 55]; и др.

В таком контексте дерево встречается в самых разных группах заговоров: от порчи и уроков, разных болезней, в скотоводческих, охотничьих, любовных и др. Ключевое место среди этих функций отведено двум группам — *з а г о в о р а м*

⁵ Возможно, по этим причинам ИС присваиваются в подавляющем большинстве случаев именно дубу — чтобы выделить его из ряда деревьев, в то время как в других случаях само указание на породу выполняет роль «имени собственного» (*береза, груша* и т. д.) и дополнительная идентификация не требуется.

от лихорадки (порядка 25 фиксаций имен) и от укуса змей (порядка 15 фиксаций).

Что касается молитв и заговоров от лихорадки, восходящих к рукописной Сисиниевой молитве, то по мере адаптации последней в устной заговорной традиции в нее постепенно проникают элементы фольклорной топики. Это касается прежде всего экспозиции молитвы, в которой описывается встреча святых (святого) с трясавицами. Традиционный для рукописной версии Сисиниевой молитвы эпизод на берегу моря (у подножия Синайской или Елеонской горы), из поднявшихся вод которого выходят трясавицы, во многих поздних рукописных молитвах, а также в устных заговорах от лихорадки трансформируется под влиянием образа сакрального центра. В них появляется типично фольклорная картина, описывающая, как под дубом сидят святые, которые видят, как из вод моря выходят простоволосые девки: «На горах Афонских стоит дуб Мукрецкой; под тем дубом сидят 12 старцов со старцем Панфутьем, а сам Панфутий в четырнадцатых. Идут к ним 12 дев простоволосых и безпоясах...» (Нижегор.) [НЗ, № 79].

В начале типового заговора от укуса змеи описывается некое место, где находится главная змея / царица змей, часто носящая ИС; этой змее субъект заговора адресует разнообразные требования и просьбы, а также угрозы, если эти требования не будут выполнены. Место действия иногда маркируется камнем, лежащим на острове посреди океан-моря, но чаще деревом, стоящим, например, в море или в поле: «На мари, на акияня, на остравя, на курганя там стаить дуп Таратынской, пат тем дубам ляжыт бел каминь, пат тем камним ляжыть чорная руно, пат тем чорным руном ляжыть змия Скарапея. “Змия скарапея! выкинь свой ять лютай ис хришшоного, параждонага, малитвиннага раба Божья (такого-то); а кали ты ня выкинишь, то я тибе частыми дажджами замарю и камнями закладу...”» (Курск.) [Машкин, 1862, 87].

За вычетом заговоров от лихорадки и от укуса змей остается группа текстов (преимущественно украинские и белорусские заговоры), где имеется обращение к дереву по имени: «Як табе, дубя Данила, бяроза Катярина, як табе на корни не стоить <...> так у р. б. молоденца зубишу-темяннику ня бывать» (Могилев., от зубища) [БС, 84, № 172]; «Дубе-неленю, в тебе сынок Иванко, в мене донька Оленка» (Киев., от детской бессонницы) [ПЗ, № 36].

Во введении мы подчеркивали, что искать ономастические связи имен деревьев в заговорах нужно в пределах фольклора и книжности. Для этого необходимо выяснить, какие из ИС деревьев являются собственно заговорными (фигурирующими только в текстах этого жанра), какие — вообще фольклорными (появляющимися также в текстах других жанров), а какие заимствованы из Священного Писания и апокрифов. Наши наблюдения показывают, что библейские по происхождению имена деревьев в заговорах немногочисленны; ИС деревьев являются в основном фольклорными, при этом собственно заговорные имена

частотнее, чем проприальные имена, которые встречаются в заговорах наряду с другими фольклорными жанрами.

1. Начнем с ИС деревьев, которые имеют **прототип в Священном Писании**. Такие мифодендронимы объединяются в обширную группу морфофонетических вариантов, восходящих в конечном итоге к одному и тому же этимону — наименованию библейского «дерева» из «дубравы Мамре», или *Мамврийскому дубу*⁶ [о нем см.: Топорков, 2018, 127]:

▪ **дуб Маврий**⁷: «Стоит на море дуб Маврий, а под ним лежыт змия лютая, урок (подъедает) у раба Б(о)жия имярек. Есми три шиморенес(ицы), налетают поверху Маврия, а снимают с ч(е)л(ове)ка всякую порчу и притчу и урок с раба Б(о)жия имярек» (Олон., XVII в., от порчи) [РЗРИ, 113, № 51];

▪ рус. **дуб Мамврийский**: «На горе Фаворстей, под дубом Мамврийским ту сядяху Сихаил, Михаил, и ту собращася вся силы небесныя, ангели и архангели, херувими и серафимы...» (XVII в., молитва от трясавицы) [Лахтин, 1912, 47, № 505; Майков, 1869, № 105];

▪ рус., укр. **дуб Маврийский**: «Святому отцу Сисению, сидящему на горе Синаистей под дубом Маврийским, идущим мимо его 12 девиц; он рече к ним: Окаянныя дьявольницы, что есть вы и к кому идете?» (Сарат.) [Голицын, 1882, 365–367; Минх, 1890, 52–54; Булушева, 1994, 54–56]; «На море на океане, на св. реце Иордане стоит трость вверх корнями. На дне Иордана, близ Ливана лежит камень горюч. На камне том зуб вонюч. Вы, зубы, заживите, и по Иордану боль унесите. Дуб Маврийский ликует, и боль у раба Б. Н минует...» (Сарат.) [Розанов, 1916, л. 43об.]; «На горе Синайской, под дубом маврийским там стояли трое святых...» (Терск., от лихорадки) [Баранов, 1899, 175]; «В чистом поле стоит дуб Маврийский. Под этим дубом стоят четыре апостола: Кирилл, Мурил, Михаил, Исасил...» (казаки Урала, от лихорадки) [Голубых, 1930, 290]; «Під дубом Маврійським стояли святії архангели...» (Полтав., от лихорадки) [Иващенко, 1878, 176];

▪ **дуб Мавринский**: «На горе Синайской, под дубом Мавринским там стояли отцы святые...» (Дон., от лихорадки) [Попов, 1868, 138];

▪ **дерево Мамрийское**: «На море на Вериадском, под деревом Мамрийским сидели святые отцы: Михаил, Исаил, Кирила, Никита и Визиил, на море воду возмущали...» (Нижегор., молитва от лихорадки) [АРГО, р. 23, оп. 1, № 96, 26];

⁶ Ср. комментарий А. Л. Топоркова: «По-видимому, имя связано с названием Мамврийского дуба. Согласно Библии, три ангела явились Аврааму “у дубравы Мамре” (Быт 18:1); он предложил им отдохнуть “под сим деревом” (Быт 18:4); ни о каком дубе в тексте не говорится. В преданиях евреев, христиан и мусульман дубрава Мамре была отождествлена с реальной местностью недалеко от Хеврона, а дуб, который здесь растет, стал объектом поклонения. Подробное описание Мамврийского дуба оставил игумен Даниил, который посетил его в начале XII в. Этот дуб неоднократно упоминается в заговорах...» [РЗРИ, 217–218].

⁷ Возможно чтение «дуб Маврын» — так в ранней публикации «Олонецкого сборника», подготовленной В. И. Срезневским [1913, 199].

▪ **дуб мамыський**: «На моры на лукомор'ї стоить дуб мамыський, под тым дубом ляжить белый камень...» (Гомел., охотничий) [БС, № 182];

▪ **марьяновский дуб**: «На Сиянский гори, на брадованьский земли пид марьяновским дубом, там стоить два ангелы» (Херсон., от лихорадки) [Сорокин, 1890, 17] (возможна аттракция к корпусу женских имен на *мар-* типа *Марея, Марьяна, Маремьяна, Марианна* и др., широко известных в восточнославянских заговорах [см.: Юдин, 1997, по указ.]);

▪ без указ. м. **дуб Мавританский**: «На горе Синайской, под дубом Мавританским стояли Святые Отцы, архангелы и ангелы...» [Щуров, 1867, 163] (при этом нельзя исключить вторичного влияния ИС *Мавритания*, прил. *мавританский*);

▪ **дуб Маревской**: «На море на Окияне, на высоком на кургане стоить дуб Маревской. Под тем дубом Маревским лежит руно, овечья шерсть — черная, серая, пестрая. Под тем руном лежит змея Скорпия, всем змеям царица» (Влг.) [Виноградов, 1, № 80].

В целом упоминания Мамврийского дуба характерны в основном для заговоров от лихорадки и трясавичных молитв, для которых подобные отсылки к библейским прототипам естественны в силу общей высокой сакрализации их ономастикона.

В фольклорной традиции за рамками заговорного универсума название *Мамврийский дуб* появляется, в частности, в Стихе о Голубиной книге: «По стороны святого града Иерусалима, / У дуба Мамврийского, / У чудного креста Леванитова, / У святой главы Адамовой / Рече царь Давыд Евсеевич...» [Бессонов, 2, № 89], где, соседствуя с упоминанием *Адамовой главы* (Голгофы), оно косвенно соотносится и с Крестным древом [см.: Архипов, 1990, 94]⁸.

2. Далее рассмотрим ИС деревьев, которые имеют **прототип в восточнославянском фольклоре**.

К ним принадлежит ИС дерева, которое вообще-то является апеллятивом и обозначает породу растения, но в некоторых текстах онимизируется, почти утрачивая при этом связь с оригиналом, — это *кипарис*:

▪ **дерево Кипарис**: «На море на Кияне, на большом острове на Буяне стоят три высокия дерева, а как первое то дерево Петрий, а второе то дерево Хитрий, а третие дерево Кипарис; под ними лежит заяц; ты, зубная боль, к тому зайцу переселись» (Ворон.) [Майков, 1869, № 81];

▪ **древа купарес**: «На гаре на Сияне, на ряке на Ирдани стаить древа купарес...» (Смол.) [Добровольский, 1891, 202];

▪ **купарэз-дрэва**: «На моры, на малакаморы стаіць купарэз-дрэва. На купарэзе сядзіць жар-піцца з жалезнай дзюбкай, з жалезным крыллем, з жалезнымі кокцямі» (Гомел.) [Замовы, № 235];

⁸ Отметим, что *Мамврийский дуб* является настолько важным прецедентом, что он попал даже в реальную топонимию (сложившуюся, однако, не без влияния деятельности монастырей), ср. дендроним *Мамринський Дуб* в Черниговско-Сумском Полесье [Черепанова, 1984, 249].

- **дерево капарысь:** «В городе Юрасалимы, на рици Ердани стоит дерево капарысь...» (Харьков., от свинки) [Иванов, л. 39];
- **дерево Кипаристово:** «На Афонских горах на крутых, стоит тут дерево Кипаристово, на том древе написано три святителя...» (Нижегор.) [Шейн, № 12];
- **дерево Кепорично:** «В чистом поле стоит свякоська гора. На этой свякоськой горы стоит древо Кепорично. На этом древе кепоричном истинной небесной Христос распят...» (Олон.) [РО ИРЛИ, р. V, колл. 2, п. 10, ед. хр. 1–64, № 24, 25];
- **купоросное древо:** «На море сияном купоросное древо стоит, престол, на престоле <...> Пресвятая Богородица» (Волгогр.) [ФХК, 346];
- **дуб Карпиус⁹:** «На море Окияне, на острове Буяне стоит дуб Карпиус. Под ним лежит камень Анатырь; под сим камнем лежит доска; под сей доской лежит тоска...» (Влг.) [Ордин, л. 11].

Кипарис упоминается также и в духовных стихах — «Сне Богородицы», стихах о Распятии, Стихе о Голубиной книге, где он признается «матерью всех деревьев», поскольку является Крестным деревом: «Кипарис-дерево всем древам мать. — / Почему ж кипарис-дерево всем древам мать? — / Из того древа из кипарисного, / Из него был вырезан пречудный крест; / На том кресте животворящим / На нем был роспят сам Иисус Христос; / Потому кипарис-дерево всем древам мать» [Ляцкий, 1912, 11]; «О, взяли Христа они — распяли... / На том на кресте животворящим, / На святом древе кипаризном» [Бессонов, 4, № 376]. Кроме того, именно к кипарису с небес падает Голубиная книга: «А на той горе Сионския, / У тоя главы святы Адамовы / Выростала древо кипарисова. / Ко тому-то древу кипарисову / Выпадала книга голубиная» [СКД, 209].

Интересно, что, несмотря на высочайшую оценку, которую *кипарис* получает в духовных стихах, в дендронимиконе заговоров он занимает периферийную позицию — и по количеству упоминаний, и по номинативному разнообразию. Это определяет ключевое отличие системы именовании деревьев в заговорах от проприальных обозначений других ландшафтных объектов, которые мы изучали: как правило, «мать камней» (*Алатырь*), «мать городов» (*Иерусалим*), «мать всех гор» (*Сион*), какими они предстают в Стихе о Голубиной книге, в заговорах становятся «протоименами» соответствующих объектов — наиболее частотными, наделяемыми многими эпитетами и т. д.

Что касается других ИС деревьев, фигурирующих в фольклорных текстах за пределами жанра заговоров, то они могут встречаться, помимо духовных стихов, также в былинах и загадках (об именах дуба в былинах см. [Иванов, Топоров, 1974; Бобунова, Хроленко, 2006, 33]). Шире всего известен

⁹ У Зеленина [1914, 230] *Карплус*, что также воспроизведено у Юдина [1997, 172]; проверено нами по рукописи [АРГО, р. 7, оп. 1, № 44, 11об.], где ясно читается *Карпиус*. У Юдина [1997, 172] высказана ошибочная, на наш взгляд, версия о связи слова *Карплус* с *карколистом* (о котором см. ниже).

дендроним **дуб Сорочинский**: он встречается в заговорах (контексты и варианты см. ниже), загадках (*На горе горынской — дуб сарацынской* <кабак или улей> [Садовников, 1876, № 2422i]) и былинах: «А гди Соловей да сын Рахматович, / А сидит он на двенадцати дубах да сорочинских» («Илья Муромец и Соловей разбойник») [Гильфердинг, 1873, № 3], хотя для былин это скорее исключение. Значительно чаще в былинах таким эпитетом наделяются горы, а также поле и земля (с фонетическими вариантами), см.: «Походил-су Василей сын Буслаевич / На ту ли гору Сорочинскую, / А за ним летят дружина хоробрая» [СКД, 93]; «Мы были, матушка, во Шахове, / Были мы во Ляхове, / Сорочинское поле поперек прошли» [БП, 158]; «Задолжал-то я ко королю-то Ботияну Ботиянову / Да во тые дальние во земли Сорочинские» [СКД, 480] и др. В целом в онежских былинах А. Ф. Гильфердинга эпитет *сорочинский* фиксируется 88 раз [Бобунова, Хроленко, 2006, 171–172] — и это очень высокий показатель.

Общим для заговоров и былин является также ИС **дуб верейский**, ср.: «На горе Фаворской, под дубом верейским сидяше семья святых отец...» (Майкоп., от лихорадки) [Харламов, 1904, 8] — и «По морю морю морю синему, / По тому по морю по Веряйскому, / По тому по морю по Дунайскому <...> Бежит побезит тридцать кораблей» («Соловей Будимирович») [Гильфердинг, 1873, № 208].

Группа имен собственных, общих для заговоров и загадок, включает такие дендронимы, как:

- **дуб Волинский**: «Как во городе, в Асате стоит дуб Волинский. Под этим дубом стоят три Святителя...» (Сарат., от лихорадки) [Булушева, 1994, 56] — и «На горе горынской стоит дуб Волинской: на нем платье богатырско, а сучье дьявольское» <терновник> [Садовников, 1876, № 890] (ср. также в загадках *гора волинская, поле волинское*: «На горе волинской стоит дуб сарацынской...» <смерть> [Там же, № 2114], «На поле волинском стоит дуб таратынской...» <смерть> [Там же, № 2115]);

- **дуб таратынский**: «На море, на океане, на острове, на Буяне стоит дуб таратынский. На тот дуб слетались 12 недуг, 12 золотух» (Орл., от золотухи) [Попов, 1903, № 87]; «На мари, на акияня, на остравя, на курганя, там стоить дуп Таратынской, пат тем дубам ляжыть бел каминь...» (Курск., от змей) [Машкин, 1862, 87] — и «На поле волинском стоит дуб таратынской, на нем птичка вертяничка; ее никто не уймет: ни царь Москвич, ни король Лукич» <смерть> [Садовников, 1876, № 2028]. Примечательно, что *таратынский дуб* четко локализован: он встречается только в южнорусских текстах;

- **дуб-стародуб**: «На поле Буяне, на острове Окияне стоит дуб-стародуб. На том дубе-стародубе лежит кровать тесовая, на той на кровати лежит перина пуховая...» (Калуж., от змей) [РЗЗ, № 1764] и мн. др. (см. ниже) — и «Стоит дуб-стародуб, на том дубе-стародубе сидит птица веретиница, никто ее не поймает, ни царь, ни царица, ни красная девица» <солнце> [Садовников, 1876, № 1817]. В былинах *стародуб* нам неизвестен, но выражение *старый дуб* (как и *сырой*

дуб) фиксируется в них довольно часто: «Перед ними раскинулось поле чистое, / А на том на поле старый дуб стоит, / Старый дуб стоит кряковистый» [Былины, 1988, 309].

См. также ниже *дуб Ракитаний, кіт-дрэва, дуб Лолевицкий*.

Вполне очевидно, что самые частые межжанровые переключки характерны для дендронимикона заговоров и загадок. Мы полагаем, что это провоцируется структурой пространства, присущей текстам этих жанров: там и там описывается широкое, масштабное пространство, взгляд на которое постепенно сужается и приводит к центру, где находится искомый объект. В заговорах это сакральный центр, а в загадках — загадываемый объект¹⁰. Зачины загадок и заговоров, в которых функционирует немало одинаковых онимов, поразительно однотипны, что вкупе со сходной структурой пространства и дает повод для переноса ИС из текстов одного жанра в тексты другого. При этом в загадках таких имен заметно больше, чем в заговорах, поэтому можно с осторожностью утверждать, что имена типа *дуб волынский, дуб таратынский* и некоторые подобные появились в заговоре под влиянием загадки, а точнее что сама модель имени на *-ский* пришла из загадок (за исключением случаев типа *дуб сорочинский, дуб мамврийский*, которые функционируют в фольклорной традиции значительно шире и/или имеют книжные истоки / исторический прототип).

Рассмотрим теперь наш материал с точки зрения его происхождения. ИС деревьев делятся на несколько основных групп: 1) отантропонимические, 2) оттопонимические, 3) отэтнонимические, 4) возникшие путем онимизации апеллятивов. Разберем каждый тип подробнее.

1. Отантропонимические мифодендронимы

Среди имен дуба (и единичных обозначений других деревьев), образованных от личных антропонимов, нет базовых частотных наименований — они крайне разнообразны и чаще всего фиксируются единожды. При этом некоторые из этих имен (а также их варианты, гипокористики и схожие онимы) могут присваиваться не только деревьям, но и другим объектам и персонажам в заговорах и текстах других фольклорных жанров (мы проверили на этот предмет загадки). См.:

▪ *ліна Валяна* (< *Алена, Елена, Ульяна?* ср. типичную для белорусского языка протезу *в-*, как в общеизвестных случаях типа *вока* ‘око’, *вуха* ‘ухо’, *воблака* ‘облако’): «Вось вам, пчолкі, святліца — новая, цясовая, адмыслова. Жыць вам

¹⁰ Он шифруется в тексте через указание на нечто уникальное, единственное в своем роде, отличающееся от всего прочего, например смерть (одна в поле), грозовая туча (одна на небе), небо со звездами и месяцем, а также одиноко стоящее растение (обычно колючее — терновник, шиповник, репей и т. д.).

тут і быць сто лет і зім і дзвесце дзяцей павадзіць. І ты, матка ліпа Валляна, ліпа красная дзвяіца, і ты, трупень Іван, параней уставайце, сваіх дзетак пабуджайце і пасылай-це іх у цёмныя лясы, у шчырыя бары» (для пчел) (Могилев.) [Замовы, № 11] (ср. имена змей в заговорах: блр. *Галена-Алена*, укр. *царыця Елына*, *царыця Олена*, *царыця Оленьця* [Юдин, 1997, 167 и др., по указ.]; в загадках: рус. *Олена* <роса>, блр. *Алёнка* <лук> и др. [Юдин, 2007, 43–44]);

▪ **дуб Данила:** «Як табе, дубя Данила, бяроза Катярина, як табе на корни не стоить <...> так у р. б. молоденца зубишу-темяннику ня бываць» (Могилев., от зубища) [БС, 84, № 172] (ср. имена змей в белорусских заговорах: *Данилея* и *царь Данила* [Юдин, 1997, 167]; в загадках: рус. *Данило* <дорога>, блр. *Даніла* <веник> и др. [Юдин, 2007, 32]);

▪ рус. **дуп Дорофей:** «Есть на мори на окяне дуп Дорофей, под тем дубом сидит баба Соломоня...» (конец XVIII в., от порчи пищали) [РЗРИ, 337, № 9] (ср. в архангельском заговоре: «Три брата пираторы Ерофей, Дорофей, Ондрей» [Юдин, 1997, 151]; в загадках: рус. *Дорофейко* <сноп> и др. [Юдин, 2007, 25, 43, 29]);

▪ **дуб Евгим:** «На Сионской горе во Египетской зимле стоить дуб Евгим, и в том дубу гнездо, в том гнезде гадюка сивилуха...» (Чернигов., рукоп.) [Гринченко, 1900, 61–62]. Исходная форма антропонима здесь не очевидна. Скорее всего, это *Евхим* — частая форма имени *Ефим* (как известно, диалектная фонетика избегала звука [ф]); вариант с *г* в реальном антропонимиконе, хоть и редко, но фиксируется, ср. *Евгим Платонович Максимихин* [см.: <https://1418museum.ru/heroes/22934917/>]. Возможно, на его появление повлияли также антропонимы типа *Евгий*, *Евга* (женский вариант частотнее мужского)¹¹; нельзя не учитывать также внутритекстовые ассонансы (*Египетской* > *Евгим*, см. ниже);

▪ **Егор дуб:** «Есть чистое поле, и есть в чистом поле стоить Егор дуб, и под дубом Егором сидит Пречистая Мати Б(о)жия со своими с трема с трицати апостолы...» (Олон., XVII в., от потницы у лошадей) [РЗРИ, 113, № 52] (в заговорах имя *Егор*, *Егорий* плотно занято Георгием Победоносцем [Юдин, 1997, 76–78]; в загадках: рус. *Егор* <дверь, картофель, леший, огурец, подснежная вода, солнце>, рус. *Егорка* <глаз, гриб, земляника, корка, лист дерева, мак, малина, пух, перо>, укр. *Егорка* <земляника> и др. [Юдин, 2007, 28]);

▪ **древо ерофей:** «Господь Спас Милостивый сажает три древа ерофея, своим крестом животворящим благословляет: как эти три древа благословлены, так чтобы по всей вселенной земле были благословенны все древа, так же Георгий

¹¹ Антропоним *Евга* представляет собой старую форму имени *Ева*, вплоть до XVII в. сохраняющуюся в народных говорах [Успенский, 1969, 228]. Форма *Ева*, по свидетельству А. И. Соболевского [цит. по: Успенский, 1969, 228], «появляется в России только с XIV в., когда мы получили из Болгарии исправленные богослужебные книги». Именно из формы *Евга*, по мнению Б. А. Успенского, объясняется форма с геминацией согласного — *Евва* (то же предлагается видеть для *Наввин* <*Нагвин*, *Парасковья* <*Парасковья*) [Там же].

храбрый разсылав силу пчелиную по всей земле от востока до запада» (Нижегор., чтобы водились пчелы) [НЗ, № 215] (ср. в заговоре: арх. «Три брата пираторы Ерофей, Дорофей, Ондрей» [Юдин, 1997, 151]; в загадках: рус. *Ерофейко* <веник>, рус. *Ерофейчик* <пуговица> [Юдин, 2007, 20, 35]);

▪ **дуб Касткатин** (< *Константин*): «Во городе, во Асафе, под дубом под Касткатином стояли двоя святых...» (Нижегор., от лихорадки) [НЗ, № 78] (ср. в заговорах имена царя Константина: *царь Константин*, *Костянтин*, *царь Костин*, *Кастентин*, *царь Костенкин*, *отец Констянтин* и т. д. [Юдин, 1997, 73, 87, 88, 141]; в загадках: рус. *царь Коскентин*, укр. *Костян*, укр. *Костянтин* <гребень>, рус. *Костя* <смерть>¹² [Юдин, 2007, 32]);

▪ **бязоза Катярина**: «Як табе, дубя Данила, бязоза Катярина, як табе на корни не стоить <...> так у р. б. молоденца зубищу-темяннику ня бывать» (Могилев., от зубища) [БС, 84, № 172] (ср. в заговорах: рус. *заря Катерина*, блр. *заря Кацярина*, лихорадка-трясавица *Катька* (смол.), а также очень частотные имена змей: блр. *Катрина*, *Кацярина* [Юдин, 1997, 95, 158, 160, 166–167]; в загадках: блр. *бабуся Катуся* <лук>, рус. *Катюшка*, рус. *Катька* <сани и полозья> и др. [Юдин, 2007, 68]);

▪ **липа Матруна**: «У поли за полем стоиць липа Матруна» (Могилев., от змей) [БС, 185, № 106] (ср. в заговорах имя змеи: блр. *Матруна*, рус. *Матрона*, *Матруна* [Юдин, 1997, 166]; в загадках: рус. *Матрена* <лед на реке, лягушка, мялица, пест, мука, сковорода, полоз саней, печь>, рус. *бабушка Матрена* <помело> и др. [Юдин, 2007, 23, 25]);

▪ **дерево Петрий** (< *Петр*), **Хитрий**: «На море на Кияне, на большом острове на Буяне стоят три высокия дерева, а как первое то дерево Петрий, а второе то дерево Хитрий, а третье дерево Кипарис; под ними лежит заяц...» (Ворон., от зубной боли) [Майков, 1869, № 81]. Вполне вероятно, что имя *Петрий* сформировалось в результате притяжения некоего прототипа к имени *Петр* (тем более что последнее фигурирует в заговорах — нередко как имя апостола Петра; упоминаются также св. Петр Московский, Петр Афонский и Петр Александрийский [Юдин, 1997, по указ.])¹³. Но что это за прототип? Разобраться в этом помогает не раз уже использованный нами прием сопоставления текстовых рядов, которые обнаруживаются в сходных по образно-мотивной ткани компонентах разных текстов (являющихся, как правило, вариантными). Применение этого приема к указанной триаде наводит на мысль, что она является вариантом другой «дендротриады», известной в русских заговорах, где часто называются три дерева, из которых был сделан крест распятия, — кедр, сосна (*невг / невга, невка*) и кипарис, см.: «Видела я свое детище <...> На трех деревьях его распяли: на дереве

¹² Как видим, здесь дополнительно актуализируется притяжение к слову *кость*.

¹³ Имя *Петр*, разумеется, встречается и в загадках: рус. *Петро* <петух>, рус. *Петруха* <овин> и др. [Юдин, 2007, 42, 45].

кедре, на дереве педре <певге>, на дереве кипаристе» (Нижегор.) [НЗ, № 266]; «... пойду я на восточную сторону под красное солнце, под светлой месец <к> горе Гольгофе; певке, кедре и копарисное древо, на которым был распят Господь наш Иисус Христос» (рукоп., заговор на суд) [РЗРИ, 732, № 13]. При этом в текстах, как видим, повторяется именно форма предложного падежа, которую можно считать застывшей (судя по второму примеру, где предложный падеж в одном ряду с именительным). Эта падежная форма фонетически ближе всего к интересующим нас словам *Петрий* и *Хитрий*. Итак, надо предположить трансформацию *кедре* > *хитрий* и *певз(к)е / педре*¹⁴ > *петрий* (с дополнительным притяжением к имени *Петр*) при сохранении без изменений третьего имени. Это тем более вероятно, что названная триада деревьев повторяется в большом количестве заговоров и духовных стихов, ср. также нижегородский контекст: «Зернушки эти были от трех дерев: кедра, певки и кипариса» [СРНГ, 25, 310]. Устойчивость триады подтверждается и в тех случаях, когда в заговоре (например, от «правежу», т. е. от удара упавшим деревом) называется целый ряд деревьев — более 25, а эти три дерева помещаются рядом [ОЧ, 188];

▪ **Сафонов дуб** (<Софон, Софоний): «Стоит Сафонов дуб, под дубом 77 девиц, долы, босы, и пришол к ним Исаак и Яков...» (Киев., от лихорадки) [Talko-Hrunciewicz, 1893, 238] (в заговорах встречаем имя змеи: рус. *Сахон* [Черепанова, 1983, 56], которое А. В. Юдин [1997, 165] считает диалектным вариантом антропонима *Сафон*; ср. *Сохва*, *Сох'я* <Софья и под.);

▪ **дуб Хвильпы**: «На мори на окияни, на острови Буяни там стояв дуб Хвильпы, там <...> трыдевяты орлей <...> розносылы перелогои» (Харьков., от перелогов у человека) [ХСб, 38] (в заговорах упоминаются св. апостол Филипп, св. Филипп Московский и др. [Юдин, 1997, по указ.]; в загадках: рус. *Филипп* <веник> и др. [Юдин, 2007, 30, 35]);

▪ **дуб Якуб**: «На моры-акіяне, на востраве Буяне стаяў дуб Якуб на дванаццацъ какатоў, на дванаццацъ парасткаў. На тым дубе залатое гняздо, у тым сняздзе ляжаў вуж. Якуб, пращу я цябе, упрашываю і ўмаліваю, забяры ў Ганны яд» (Гомел.) [Замовы, № 352] (кроме имени патриарха Иакова, в заговорах встречается ИС «буйного ветра» — сиб. *Иаков* [Юдин, 1997, 217]; в загадках: рус. *Яшка*, *белая рубашка* <снег> [Юдин, 2007, 45]); возможно, на выбор имени в данном контексте повлияла и рифмованность ИС и апеллятива: *дуб* — *Якуб*, что вполне типично для фольклорных контекстов, ср. *чирей Василий*;

▪ **дуб Ладимир** (<Владимир): «Дубе, дубе Ладимирю! Бачу тебе через гори, через води! Посватаємось, побратаємось! Возьми собі уроки вітрові, вихрові, подумані, погадані, запитені, заїдені, мужичі, жіночі!» (Екатеринослав.) [Новицький, 2007, № 236]. Перед нами имя *Владимир*, которое приобрело вариант *Ладимир* вследствие закономерного фонетического упрощения. Возможно и совместное

¹⁴ При этом сама форма *педре* появилась при аттракции соседних *певке* и *кедре*.

действие фонетического и смыслового факторов. Типично для восточнославянских заговоров именование *Владимиром* месяца¹⁵. Вероятно, такое имя дается потому, что он светит с высоты и оглядывает весь мир, «владеет» им: «Месячек Владимир! Ты на том свете был? — Был. — Родителей моих видел? — Видел» (Калуж.) [РЗЗ, № 1424]. Что касается дуба, то в представленном контексте явно имеется в виду «сверхдерево», которое имярек видит через воды и через горы. Показательно и то, что в сумском заговоре (см. ниже) появляется дуб по имени *Мир*: эти названия явно соотносимы, но направление преобразования указать сложно.

Значительно реже одно и то же деантропонимное имя дерева повторяется в нескольких текстах и обрастает вариантами:

- *дуб Лаврентий / дуб Лаврентиев*: «В чистом поле стоял дуб Лаврентий; и под дубом под Лаврентьем, на горе Асафе, и стоят тут 12 сестер...» (Костр., от лихорадки) [Виноградов, 1, № 101]; «Стану я, раб Божий имрек, благословесь, пойду, перекрестесь, из избы дверьми, из двора воротми, в чистое поле, на восточную сторону, на Сионскую гору; на Сионской горе стоит дуб Лаврентиев, под ним четыре мужа — св. евангелисты...» (Вят.) [Кибардин, л. 36] (в заговорах часто упоминаются мученики Флор и Лавр [Юдин, 1997, 89–90]); нельзя полностью исключать вторичного притяжения ИС *Лаврентий* к обозначению породы дерева *лавр*, что могло облегчить присвоение этого имени дереву;

- *дуб-Мильян / дуб Мильян / дуб Мельян / дуб Мельянов* (< Емельян): «На реке Смородине калиновый мост, на том мосту стоит дуб-Мильян, а в том дубе змеиный гроб...» (Смол., от укуса) [Попов, 1903, № 114]; «на мори на кияни на вострови буяни стоиць дуб Мильян <...> чорный ворон етый дуб разбивает, чемерь и потницу вынимает» (Могилев., от болезней скота) [БС, 192, № 18]; «На мори на кияни стоиць дуб Мельян, у ём змяиный гроб...» (Могилев., от змей) [БС, 178, № 81]; «На раце на Смуродзини стоиць калиновый мост, на калиновым мосту стоиць дуб Мельянов, на 12 кокотов...» (Могилев., от змей) [БС, 182, № 95];

- *Семён-дуб / Цемен-дуб*: «На яру, на Тереке на быстрине стоит Семён-дуб. У этого дуба корни зелены и тверды, так и раба и. р. подмудная жила завсегда была тверда» (Волгогр., от нестоячки) [ФХК, 337]; «На яру, на тя реке на Бустрене стоит Цемен-дуб, у того дуба корни зелены да тверды. Так и у раба... подмудная жила завсегда тверда» (Верхний Дон) [Тимофеев, 2013, 192] (ср. в белорусском заговоре имя змеи: *вуж Симиен* [Юдин, 1997, 167]; в загадках: рус. *Семен* <горшок, челнок>, рус. *семь Семенов* <обручи на кадке>, рус. *семьдесят семь Семенов* <потолочины>, блр. *Сямён* <балка> и др. [Юдин, 2007, 21, 40]).

Обилие и разнообразие деантропонимных имен деревьев принципиально отличает систему их номинации от изученных нами ранее топонимов в заговорах,

¹⁵ Ср. также былинное *Владимир Красно Солнышко*.

где подобные имена фактически не встречались. На наш взгляд, это объясняется тем, что в мифопоэтическом отношении дерево гораздо ближе к человеку, чем, например, камень (оба эти класса принадлежат миру живой природы, а потому мифологическое сознание не видит препятствия в том, чтобы называть деревья именами людей), что, впрочем, не мешает заговору называть личными именами и другие объекты — воду, землю, колодец, зарю и др.

При этом обращает на себя внимание, что уникальных деантропонимных ИС деревьев очень мало, большинство имен встречается в заговорах и загадках в качестве обозначений других объектов или персонажей. Исключение составляет, пожалуй, только *дуб Мильян* < *Емельян* — этого имени, его вариантов и гипокористик нет в ономастиконе обоих жанров.

Бросается в глаза, что существуют явно неслучайные корреляции между антропонимикой деревьев и змей: личные имена, использующиеся в качестве номинаций деревьев, могут называть также змей в заговорах от укуса змеи, ср. *ліпа Валляна* // змеи *Галена-Алена, царыця Елына, царыця Олена, царыця Оленыця; бяроза Катярина* // змеи *Катерина, Катрина, Кацярина, царица Катерина-Ригатуха; ліпа Матруна* // змеи *Матруна, Матрона; Сафонов дуб* // змея *Сахон; Семён-дуб* // *вуж Симиен*. Эти связи преимущественно межтекстовые (в одном контексте они наблюдаются весьма редко), но они тем не менее симптоматичны. Надо отметить и уже упоминавшуюся тесную связь деревьев и змей на мотивном уровне: дендронимы нередко фигурируют именно в заговорах от змеиного укуса, при этом в текстах указывается, что змея лежит под деревом; видимо, образы дерева и змеи составляют некий комплекс¹⁶. Вопрос о природе и особенностях проявления указанной корреляции «деревья — змеи» представляется крайне важным, но он должен быть рассмотрен отдельно, с учетом всех возможных имен змей. Мы предполагаем заняться этим в следующих работах нашего цикла по ономастике заговоров, посвященных именам змей.

Имена деревьев, равные личным антропонимам, в некоторых случаях «асемантичны», т. е. появились как реализация установки дать дереву «любое» имя (иногда явно мотивированное явлениями формального порядка — ритмом, фонетическими переключками и прочими приметами магической речи, ср., к примеру, *дуб Якуб, дуб Хвылып* или *древо ерофей* — в последнем случае в разном порядке

¹⁶ Отметим, что у этого системного параллелизма есть гендерный аспект: выравнивание номинации по грамматическому роду опорного (родового) слова: *змея* — ж. р., *дуб* (самая частая номинируемая порода) — м. р. Можно предположить, что вследствие такого выравнивания подключаются другие номинации: наиболее частотный для дерева *дуб* замещается «женскими» породами — *липой, березой*; *змея* приобретает «мужскую» породу — *уж*. В связи с этим интересно и варьирование мужских и женских форм одного и того же ИС, причем эти формы не системные, а окказиональные, ср. *дуб Данила* // змеи *царь Данила* и *Данилея*; интересно также созвучное *дуб Евгим* // змеиная царица *Ева*. Ср. также *уж Аксён* в заговоре от змей: брян. «На море на океяне, на остром кургане стоит дуб скородуб, на том дубе скородубе шесот суков <...> золотое знездо <...> уж Аксён...» [ПЗ, № 675].

повторяются одни и те же звуки: <ре> — <ер>, <рев> — <роф> и т. д.). Но есть и случаи семантической мотивированности таких имен: скажем, имя *Семён* в составе заговора от «нестоячки» могло появиться в результате притяжения к слову *семя*, и нет ничего удивительного, что в другом варианте этого текста данное имя деэтимологизируется, приобретая вид *Цемен*¹⁷; см. также *дерево Петрий, дуб Лаврентий* выше.

Кроме прочего, интересен наглядный процесс ремотивации ИС деревьев: архаичная антропоморфизация дерева уступает место гоноративной мотивировке, и тогда дендроним, формально равный антропониму (*дуб Лаврентий, дуб Мильян, бяроза Катярина* и мн. др.), «обрастает» показателями поссессивности: *дуб Лаврентиев, дуб Мельянов, Сафонов дуб*. Не исключено, что такие ИС маркируют более поздние вкрапления в текстах (более поздние варианты самих текстов). В то же время нельзя исключить, что поссессивные дендронимы появились независимо от имен, формально равных антропонимам.

2. Оттопонимические мифодендронимы

К числу оттопонимических относятся, во-первых, имена деревьев, образованные непосредственно от топонимов, во-вторых, такие, которые возникли путем переноса названий с других топообъектов (к числу топообъектов мы условно приписываем и такие точечные реалии с собственными именами, как, например, камень и крест). К первым принадлежит только *дуб Мамврийский* (и варианты), имя которого происходит от библейского названия дубравы *Мамре* (контексты см. выше).

Что касается именованний, возникших путем переноса, то это явление типично для заговоров и описывалось нами в предыдущих статьях цикла [Агапкина и др., 2018а, 75, 103; 2018б, 40, 45 и далее]. Отметим, что в примерах, которые будут приводиться ниже, статус имен — источников переноса на оси «имя нарицательное ↔ имя собственное» очень разный. В случае *цар-камень Аўцарык > дуб Аўцарык* проприальный характер имени-источника несомненен, а в случае *море-окиан → дуб Лукомор* слово-источник ближе к полюсу географических терминов. Но мы сочли возможным подать эти факты в одном списке, потому что по своей метонимической природе они близки друг к другу. Отметим также, что метонимические связи должны проявляться главным образом в одном и том же тексте (*море Буян > дуб Бурьян*), но встречаются ситуации, когда источник переноса представлен в парадигме вариантных текстов: «На море, на океане, на реке Иордане стоит дуб-буян». Здесь нет как такового острова Буяна, но он, конечно, подразумевается текстовыми вариантами. Итак, вот перечень дендронимов, появившихся в ходе метонимического переноса:

¹⁷ О деэтимологизации, проявляющейся в этом тексте, говорит и замена *Тереке > тя реке*.

▪ **дуб бурьян:** «На мори Буяни там ёсь кургон широкий, високий, на том кургони дуб бурьян...» (Могилев., от болезней скота) [БС, 189, № 6]. Здесь *бурьян* — из *буян* (см. ниже *дуб-буян*), что особенно вероятно, поскольку имя *Буян* уже прозвучало в заговоре — в самом начале зачинной формулы («на мори Буяни»). Дело в том, что появление имени в заговоре часто мотивировано онимизацией текстового пространства в целом — и н е р ц и е й о н и м и з а ц и и, когда лексическая «материя» (сочетания звуков, фонетические комплексы, «броские» морфемы, целые корни или основы и т. д.) передается «по цепочке» от одного имени (слова) к другому, что в числе прочего усиливает магическую функцию текста. О такой инерции мы писали в предшествующих работах цикла (на материале мифооронимов см. [Агапкина и др., 2019, 29–31]); в случае с именами деревьев см. еще «На Сионской горе во *Египетской* зимле стоит дуб *Евгим...*» (Чернигов.) [Гринченко, 1900, 61–62], «На гарэ стаіць дуб *Ивала*, пад тым дубам ляжыць вуж, чэсны муж *Ивалга*» (Гомел.) [ТЗС, № 113], «На *море* на Окияне, на високом на кургане, стоит дуб *Маревской...*» (Влг.) [Виноградов, 1, № 80] и др. Нужно подчеркнуть, что, как и в случае с *дубом-буяном*, метонимический перенос имени осуществляется не механически: здесь он поддержан со стороны фитонимического кода, ср. юж.-рус. *бурьян* ‘крупнотравяные, травянистые сорные растения, кустовая трава; бурьянистое растение, крупное и деревянистое, кустистая, коренастая трава, многолетняя от корня’ [Даль, 1, 144]. По предположению М. Фасмера [1, 249–250], сама внутренняя форма слова *бурьян* должна прочитываться как «пышно разросшийся сорняк», поэтому не исключено, что *дуб бурьян*, как и *дуб-буян*, апеллирует к признаку особой раскидистости дерева, его густой листвы и пр.;

▪ **дуб-буян:** «На море, на океане, на реке Иордане стоит дуб-буян, под ним лежит горяч камень, на нем сидят 12 девиц...» (Нижегор., от лихорадки) [НЗ, № 143]. Название перенесено с *острова Буяна*, ИС которого в заговорах иногда присваивается и другим ландшафтным реалиям, упоминаемым в текстах, которые реализуют мотив сакрального центра, ср.: «На *поле Буяне*, на острове Окияне стоит дуб-стародуб...» (Калуж., от змей) [РЗЗ, № 1764]; «На *мори Буяни* там ёсь кургон широкий, високий...» (Могилев., от болезней скота) [БС, 189, № 6] и мн. др. При этом перенос ИС на дерево (дуб), как кажется, не только механический — он поддерживается семантикой связанного с *Буяном* глагола рус. *буять* ‘расти, вырастать в неге, холе’ [СРНГ, 3, 335], рус. *буять* ‘разрастаться’ [Фасмер, 1, 257], укр. *буяти* ‘разрастаться, резвиться’ [Там же]. В таком случае *дуб-буян* — это «разросшийся, большой дуб»: дендроним реализует п р и з н а к и с к л ю ч и т е л ь н о г о р а з м е р а и р а с к и д и с т о с т и д е р е в а, з н а ч и м ы й и для реального восприятия дерева человеком, и для картины мира заговоров (уникальность объектов, составляющих мифологический центр);

▪ **окиян древо:** «Есть под востоком и под западом окиян гора, и на той горы окияне есть окиян древо, и есть под окиян древом смиренная беседа, и сядят

на той беседы 7 ангелов Господних ...» (Олон., молитва от веснухи-лихорадки, XVIII в.) [ОЧ, 336]. Перенос имени с *океан моря*; вся формула зачина — ярчайшая иллюстрация уже обсуждавшейся инерции онимизации, характерной для заговоров;

▪ **дуб Лукомор:** «На море окиане стоить дуб Лукомор. На том Лукомори сыдять 12 воронов...» (Чернигов., от крови) [ПЗ, № 835]. *Лукомор* — из *лукоморье*; это восточнославянское локативное обозначение представляет собой видоизменение др.-рус. *лука мора* (под влиянием сложных слов) [ЭСРЯ, 9, 187]. В заговорах *лукоморье* функционирует или как географический термин (1. ‘море’: рус. без указ. м. «Стану я, раб Божии имрак, благословясь, поиду перехрестясь в чистое поле, в зеленую дуброву и в синее Лукоморье» [Смилянская, 2002, № 1732-2]; 2. ‘место на суше вблизи моря’: «...выйду на широкую улицу, с широкой улицы в чистое поле, с чистого поля в зеленое лукоморье» (Арх.) [Майков, 1869, № 310]), или десемантизировано — как дублетное слово к лексеме *море*: «На морі, на лукоморі, стоить дуб розложестий, барзо хороший...» (Украина, конец XVIII — начало XIX в.) [Новицкий, 2007, № 73]; «На моры на лукоморьи стоить дуб мамырьский, под тым дубом ляжить белый камень...» (Гомел.) [БС, № 182]; «На море-лукоморье стоял дуб-колоколов на двенадцать коренев, на двенадцать коко-тов, на двенадцати гнёздах...» (Гомел.) [Вяргеевка, 2013, № 1096]. Последние несколько примеров, где *море-лукоморье* в зачине соседствует с упоминанием дерева, убеждают, что *дуб Лукомор* создан по той же модели, что и *окиан древо*: перенос географического термина с соседнего ландшафтного объекта и его последующая онимизация, причем в случае *Лукомора* степень онимизации выше, чем в случае *окиан древа*, поскольку имеет место и словообразовательная «подстройка» под ИС. Возможно, в тексте «На море окиане стоить дуб Лукомор» имя *Лукомор* означает не просто ‘дуб, растущий на берегу’, а имеет более узкую семантику — ‘дуб в излучине моря’, но контекст слишком мал, чтобы верифицировать это предположение;

▪ **древу Горово (Барово?):** «Стоит море окиан, в окиане море остров Буян, на том острове Буяне есть гора Горова, на той горе Горове есть древо Барово, около тово древа Горова <так!> вьетця хмель...» (Яросл.) [РЭФ, 365]. Это имя отмечено в тексте из рукописи XVIII в. С большой вероятностью можно сказать, что вариант *Барово* является ошибкой переписчика рукописной тетради (особенно если учесть, что буква Г — это Б без нижней «петельки»). Имя дерева, вероятно, возникло в ходе переноса на основе имени горы, а то, в свою очередь, — от апеллятива *гора*;

▪ **дуб Аўцарык:** «Як на моры цар-камень Аўцарык, а ў пушчы дуб Аўцарык. А на тым дубу сем змяёў...» (Минск., от порчи и чар) [Зам-09, № 294]. Нам уже приходилось писать об этом ИС при разговоре о мифооронимах [см.: Агапкина и др., 2019, 42–43], и несомненно, что имя является «темным»: мы осторожно предполагали, что в слове *Аўцарык* угадывается основа **Алтыр-*, ведущая к имени

камня *Алатырь*. Возможно также действие механизма ономастической инерции, «спусковым крючком» которой становится лексема *цар*: «**цар-камень** *Аўцарык*, а ў пушчы дуб *Аўцарык*». Так или иначе (признаем ли мы этимологическую связь имени *Аўцарык* с *Алатырем* или считаем его результатом магической «перепевки» звуков), имя дуба в этом тексте, безусловно, повторяет предшествующее ему имя камня;

▪ укр. *дуб Точка*: «Стояв дуб Точка. На дубови гадюка Вильга, усёму гадови пекельныця и голова» [Комаров, 1890, 107]. Это «темный» дендроним. Можно с изрядной долей сомнения предположить, что он является результатом переноса, фонетической трансформации и последующей онимизации блр. *ток*, укр. *тік* ‘гумно’, ум. *точок* ‘то же’ [СБГПЗБ, 5, 103; СУМ, 10, 136, 218], ср.: «На мори, на катагани, там буў точок, на тум точку стояў дуб, на том дубе три кветины» (Гомел., от змей) [ПЗ, № 669], где *точок* функционально замещает *остров* (ср. выше *дуб-буян* и *дуб бурьян*). Такому пониманию ИС *Точка* некоторым образом препятствует формальное несовпадение апеллятива и ИС по грамматическому роду, что для дендронимикона заговоров совершенно не характерно.

С большой осторожностью упомянем в этом перечне еще один «темный» дендроним — *дуб Лоловицкий*: «На горе Синейской, под дубом Лоловицким стоят три отца святые: Ананий, Азарет и Миссаил...» (Томск., от лихорадки) [Липинская, 1998, 500]. Аккуратно предположим, что он может быть результатом деэтимологизации и трансформации перенесенного названия — с фольклорного топонима *Леванидов крест* (по легенде, крест, на котором распяли Христа). Последний упоминается в былинах — по преимуществу как место назначенных встреч богатырей и остановок во время их странствий [Путилов, 1986, 499], а также как место, где живет Соловей-разбойник. Встречается он еще в духовных стихах былинного типа, например «Егорий и змей»: «Втапоры пошли калики ко городу Киев / Ко ласкову князю Владимиру. / Дошли оне до чудна креста Леванидова...» [РНДС, 73] и др.

По мнению Б. Н. Путилова [1986, 16–17], *Леванидов крест* в былинах едва ли связан с историческими реалиями, скорее это порождение сказочного мира, хотя название, конечно, могло бы навеяно историческим названием *Ливан* (ср. производные от этого топонима *ливанское дерево*¹⁸, *ливанский кедр* ‘дерево, из которого сделано Крестное древо’).

¹⁸ Ср. в загадке: «На поле на Арском, на рубеже татарском стоять дерево Ливанско, листья Митрофановски, когти дявольски» <репейник> [Садовников, 1876, № 839б]. *Ливанское дерево* как обозначение репейника здесь вполне типично для контекста, поскольку является одним из множества «чужих» имен для неприятного и колючего растения (ср. и другие схожие названия колючих растений в загадках, представленные в [Юдин, 2007, 59–60]: *древо астраханское*, *зубья дубитанские* <боярышник>, *дуб вольнский*, *на нем платье богатырско*, *а сучье дявольско* <терновник> и мн. др.; ср. также размышления, приведенные нами далее в связи с *дубом таратынским*).

При этом в былинах фиксируются различные варианты данного ИС: *Леванидов*, *Лёванидов*, *Леванидин*, *Ливанидов*, *Левантинов*, *Деванделидов*, *Мендалидов*, *Левинов*, *Леванидофски*, *Леонидов крест* и т. д., ср. заонеж. «Как у той ли реченьки Смородинки, / Как у той ли грязи, грязи черные, / Как у той ли берёзыньки покляпой, / У того креста Леонидова / Сидит Соловей-разбойничек Дихмантьев сын / На семи дубах в девяти суках» («Илья Муромец и Соловей-разбойник») [Былины, 1986, 58; см. также: Бобунова, Хроленко, 2006, 33; 2021, 103–104].

Цепочка деривации, теоретически приведшая к возникновению «темного» заговорного дендронима, может быть реконструирована следующим образом: *Леонидов крест* > *Леонидский (ср. возможность финали *-ский* в *Леванидофски крест*) > *Леовицкий > *Лолеовицкий* — в результате полной деэтимологизации, а также возможной ошибки в переписывании или прочтении рукописи¹⁹.

Учитывая системные пересечения ономастиконов заговоров и былин, возникновение в заговоре былинного топонима в целом не вызывает удивления. Перенос топонима также не является неожиданным, если принять во внимание функциональное сходство креста (как его можно себе вообразить) и дерева: это точечные сакральные объекты, маркирующие локус действия и являющиеся местом обитания сверхъестественных, высоко значимых для героя текста существ (антагонистов или протагонистов). Апелляция к библейским событиям с привлечением образов деревьев в текстах народной традиции очень распространена (ср. у славян: рождение Христа и ель, смерть Иуды и осина, Крестное древо — кипарис и др. [подробно см.: Агапкина, 2019, 458–480]), так что и этот аспект переноса «крест → дерево» вполне предсказуем. Однако, несмотря на все эти закономерности, повторим, что наша версия происхождения *Лолеовицкого дуба* остается очень осторожной — и в силу «неуверенной» фиксации заговора, где фигурирует этот дендроним, и по причине отсутствия дополнительных параллелей *Леванидова* (с вариантами) *креста / древа / дуба* в корпусе восточнославянских заговоров; кроме того, создается впечатление, что в рамках заговорного универсума имена деревьев обычно не переходят от апеллятива *дуб* к апеллятиву *дерево*: у каждого из них свой круг ИС. Наконец, следует упомянуть о еще более гипотетической интерпретационной возможности: в былинах есть «чужеземные» имена *ляховицкий*, *литский* [Бобунова, Хроленко, 2006, 170]. Вдруг они тоже дали какой-то мотивационный (контаминационный) импульс?

¹⁹ В публикации [Липинская, 1998] о тексте, где содержится *дуб Лолеовицкий*, сказано, что это список, называвшийся молитвой, который хранился в доме как оберег от лихорадки, с пометой «Томская губ., 1911 г.». Видимо, речь идет о списке как минимум начала XX в., в котором при его переписывании из более ранних рукописей могли произойти самые разные изменения, вызванные особенностями почерка, непониманием текста, потерями, порчей бумаги от частого пользования списком и т. п.

* * *

Подытоживая наши рассуждения об оттопонимических мифодендронимах, укажем, что, как показывают примеры, имена деревьев могут быть перенесены со всех основных объектов, которые упоминаются в формуле зачина заговоров, реализующих мотив мифологического центра, — моря (*море-океан*, *морелукоморье*), острова (*остров Буян*), камня (*камень Ауцарык < Алатырь?*). Это одновременно и подтверждает тесную связь топонимических компонентов зачинной формулы, и является следствием того, что упоминание дерева в этой формуле, как правило, занимает конечную позицию (маркирует наиболее сакральную точку в сужающихся концентрических кругах жанровой картины мира), а потому мифодендронимы наиболее подвержены действию механизма ономастической инерции — они следуют после других мифотопонимов, каждый из которых, как правило, настолько укоренен в традиции, что обладает сильным ономастическим влиянием (т. е. провоцирует повторять его компоненты — фонетические, морфемные, слово целиком) в последующих фрагментах магического текста. Иначе говоря, имена деревьев являются реципиентами (а не донорами) переносов оттопонимического характера, что свидетельствует об их вторичности как объектов топонимической номинации.

3. Отэтнонимические мифодендронимы

Эта группа включает два онима (с вариантами), о которых уже говорилось выше, при разборе собственных имен, фигурирующих не только в заговорах, но и в других фольклорных жанрах. При немногочисленности этнонимических имен они очень типичны и характерны для заговорной мифодендронимии, ср.:

▪ **дуб сорочинской**: «Есть в чистом поле стоит дуб сорочинской, и под тем дубом сорочинским есть тридевять отроковиц, из под того дуба сорочинского выходит Яга баба и пожигает тридевять сажень дубовых дров...» (Арх., любовный) [Ефименко, 1878, 142, № 15]; **дуб Сорочинский**: «Есть во чистом поле дуб Сорочинский и под тым дубом Сорочинским есть тридевять девиц. Из-под того дуба Сорочинского выходит баба яга и поджигает тридевять костров дубовых дров...» (Новг., присуха) [Воскресенский, 1905, 42]; **сорочинский дуб**: «У чистом поли стоиць сорочинский дуб, ис-под дуба выходила баба-яга и поджигала тридзевиць костров дубовых дров» (Могилев., приворот) [БС, 151, № 48] — из старинного названия мусульманских народов *сарачины*, *сарацины* [МАС, 4, 37]. Можно предположить, что результатом деэтимологизации ИС *Сорочинский* является **дуб саракавец**: «На мари на кияни, на вострым кургани стаить дуб саракавец. Под тым дубом саракавцом ляжить камень белый...» (Орл., от змей) [Добровольский, 1905, 330]. Внешний облик ИС, по всей видимости, не избежал влияния со стороны числительного *сорок* и его дериватов, среди которых,

с одной стороны, много фитонимов²⁰, а с другой стороны — слов, указывающих на большое количество чего-либо²¹. Таким образом, в ИС *дуб саракавец* может реализовываться мотив номинации «необыкновенный размер дерева», этот оним, возможно, обозначает дуб «в сорок охватов».

Сюда же, как уже говорилось, относятся также дендронимы орл. *дуб таратынский*, курск. *дуп Таратынской* (контексты см. выше). В поисках объяснения для этого названия можно обратиться к реальной топонимии. Так, в Тверской области (практически на границе с Московской) есть небольшая речка *Таратынка*: быть может, она и стала прототипом для фольклорного имени? Несмотря на то что с точки зрения точечного (применимого только к одному слову, взятому изолированно) формального словообразования эта версия идеальна, она может быть оспорена с позиций мотивологического анализа, а также системного изучения заговорного именника. Дело в том, что в фольклорных текстах (чаще в загадках) есть значительное количество сочетаний слов *дуб (д(е)рево)* с именем на *-ынский/ -инский*, ср., к примеру, *дуб сарацынской* (на горе *горынской*), *дуб сорочинской* (на горе *горынской*), *дуб Саратынский* (на поле *Царынском*), *дуб Талтынской* (на поле *Алтынском*), *дуб коротынский* (на поле *полинском*), *дуб сиротинский* (на поле *тынском*), *дуб веретинский* (на поле *тутенском*), *дуб Ордынской* (на горе *Волынской*), *дуб Чагрынской*, *дерево латынско*, *дерево чепурынско* и пр. [Юдин, 2007, 56, 57, 59]. А. В. Юдин пишет о подобных наименованиях так: «Перед нами <...> целое поле сходных имен, распространяющееся за пределы жанра загадок, причем имена эти варьируются по каким-то своим законам, чаще всего благодаря народноэтимологическим переосмыслениям и влиянию случайных созвучий, но без заметной связи с характером основной номинации» [Там же, 57]. Это утверждение справедливо. Слова, инициировавшие контаминационные процессы, в ряде случаев можно определить с той или иной степенью гипотетичности; в одних

²⁰ Ср. свердл. *сорокаколéнушка* ‘лекарственная трава’: «Сорокаколenuшка-та от испугу больше. У ей сорок коленцов по стволу», томск. *сорокалiстник* ‘растение тысячелистник’, влг. *сорокапрiточная трава* ‘растение папоротник, применяемое в лечебных целях’, краснояр. *сорокапрiтошна* ‘лекарственная трава’: «Сорокапритoшна — от сорока болезней лечит», чкал. *сорокатрáвие* ‘сбор лекарственных трав из сорока видов’, горно-алт. *сороковiк* ‘лекарственная трава’, томск. *сороконедужник* ‘растение *Glechoma hederacea* L., сем. губоцветных; будра плющевидная’: «Сороконедужником лечат все недуги», мурм. *сорокоплiточник* ‘лекарственная трава’, хабар. *сорокустáвка* ‘растение *Polygonum ellipticum* Willd. ex Spreng., сем. гречишных; горец эллиптический’: «Сорокуставка от ломоты, от сердца, от желудка» и мн. др. [СРНГ, 40, 22, 23, 27, 30].

²¹ Ср. в фитонимии: томск. *сорокалiстник* ‘растение тысячелистник’ [СРНГ, 40, 22], где *сорок* — эквивалент *тысячи*, называющий неисчислимое множество, а также, например, курск. *сорокобáрщина* ‘многоначалие, отсутствие единого руководства’, курск. *сорокобратчина* ‘случайно собравшиеся вместе люди, сброд’, тул. *сорокодумный* ‘очень умный, способный, быстро соображающий (о человеке)’, свердл. *сорокожéнец* ‘мужчина, несколько раз вступавший в брак’, обл. *сорококлiн* ‘сарафан, сшитый из нескольких клиньев материи’, влг. *сорокопудная палица* ‘эпитет богатырской палицы’ и др. [Там же, 24, 27, 29].

случаях контаминации направляются формальными факторами (*алтын* > *алтынский*), в других к формальным добавляются смысловые. Наиболее заметно это в тех случаях, когда выражается идея «чужеземности» дерева²²: *орда* > *Ордынской*, *латынь* > *латынско*. Есть и другие значимые слова, которые становятся актантами контаминационных процессов: *сирота* > *сиротинский* (возможно, актуализируется признак «одиночества» дуба), *тын* > *тынское* (признак окруженности поля тыном) и пр. В ряде случаев инициатор контаминации определяется с высокой степенью гипотетичности (скажем, для дуба *веретинского* можно предположить диалектный географический термин *веретья*: дуб растет на *веретье*?) или же требует отдельного глубокого анализа, который имеет мало шансов быть результативным, поскольку возможен случайный набор звуков (так, эпитет *Чагрынской* вряд ли инициирован названием поволжской деревни *Чагрынь*, а другие варианты искать малоперспективно).

Вполне вероятно, что все эти пестрые контаминационные процессы для слов на *-ынский/-инский* изначально были «запущены» словом *сарацинский* (*сорочинский* и др.), о котором говорилось выше. В этом случае путь к эпитету *таратынский* весьма недолог: *сарацинский* > *саратынский* (такой вариант реально засвидетельствован, см. представленный в предыдущем абзаце список названий дубов), а далее *таратынский* либо вследствие дистактной ассимиляции *ст* > *тт*, либо с дополнительным участием созвучных слов (вплоть до *татарский* или же *Таратынка*, но последнее маловероятно).

С некоторой долей условности приведем здесь же еще одно имя дуба, которое фиксируется только в заговорах (не повторяясь в загадках), но, по нашей версии, является результатом дальнейшего затемнения *таратынского* дуба (или какого-то другого близкого слова): **дуб Вартынский**: «На море Вартынском стоит дуб Вартынский, 3–9 кокотов на 3–9 корений. На том дубу золотое гнездо, в том гнезде царица Шкурапея на 3–9 голов, на 3–9 жаў...» (Брян.) [ПЗ, № 674]. Надо думать, перед нами дальнейшее искажение слов из круга *саратынский*, *таратынский*, *талтынский*. Реальные топонимы, которые могли бы стать прототипом, кажется, не прослеживаются: единственный созвучный (хоть и весьма отдаленно) топоним *Воротынск*, называющий исторический город в Калужской области, вряд ли претендует на роль источника имени, функционирующего в заговоре (но полностью отрицать эту возможность нельзя, поэтому мы и приводим здесь эту версию).

Заканчивая разговор о «сарацинских» и прочих дубах, отметим, что огромный диапазон варьирования здесь соотносим с диапазоном, наблюдаемым у самого изменчивого, кажется, этнонима — *басурман* (этимологически связанного с *мусульманин*). Сам этноним и его производные дают множество вариантов,

²² Значимость этой идеи подтверждается тем, что в аналогичных конструкциях (но с несколько другой фонетикой) употребляется, скажем, слово *татарский*: *Арское поле на порубеже татарском* [Юдин, 2007, 56].

далеко ушедших от первоначального облика слова: *мурзалецкий, бурзалецкий, борзалецкий, борзоминский* [Аникин РЭС, 2, 259–260; Фасмер, 3, 12], *мурамецкий, муржалецкий, музалецкий* и т. д. [Бобунова, Хроленко, 2006, 170–171], при этом в соответствующем гнезде наблюдаются многочисленные контаминации, в которых участвуют в первую очередь другие лексемы, называющие что-нибудь иноземное: *мурза, мазалецкий* и др. [см.: Березович, Кучко, 2017];

▪ **дуб верейский** (контекст см. выше), возможно, является перенесенным ИС — с гидронима *Верейское море* (былинное обозначение Балтийского моря или его части), и тогда, по предположению М. Фасмера, вслед за ним происходит от формы *Веряжское* < *варяг* [Фасмер, 1, 319]; о *Веряжском море* в заговорах см. [Агапкина и др., 2018а, 78–79]. Это же море в былинах носит название *Виряньское*, что, вероятно, связано с др.-рус. *вируъане* ‘эсты’ < фин. *Viro* ‘Эстония’, *Vironmeri* ‘Эстонское море’ [Фасмер, 1, 319]. Встает вопрос, не соотносится ли с именем *Виряньское* такой дендроним, как **дуб венерский** (с метатезой): «На гори на Голгохви стояв дуб венерский. Пид тым дубом сыдило сим мученькив...» (Полтав., от лихорадки) [Милорадович, 1900, 170]?

Выскажем и еще одну версию относительно происхождения *верейского дуба*. Возможно, здесь есть топонимический прототип: город *Веряя* в сотне километров к юго-западу от Москвы. Этот город имел достаточно большое историческое значение: в XV в. он являлся центром Верейского княжества; вследствие своего стратегически важного положения бывал разорен в сражениях с татарами и литовцами, сожжен французами в 1812 г.; в XVIII в. был крупным центром ремесла и торговли: верейские купцы заключали торговые сделки в разных городах Западной Европы. Возможно, это позволило топониму быть на слуху и найти отражение в фольклоре. Словообразовательно эта версия хороша, но с точки зрения семантики доказать ее сложно. Мешает и то, что реальные топонимы практически не становятся производящими основами для обозначений дубов, отмеченных в заговорах.

4. Имена деревьев, возникшие путем онимизации апеллятивов

Эта группа ИС деревьев — самая многочисленная и включает языковые единицы, дающие сложное разнообразие на оси «и м я н а р и ц а т е л ь н о е ↔ и м я с о б с т в е н н о е».

В этой группе присутствуют постоянные имена-эпитеты дуба / дерева²³ — с них мы и начнем. Условно их можно обозначить как *дерево кипарис* (см. выше), а также *дуб / дерево карколист, дуб-стародуб и царь-дуб*. Для определения статуса

²³ Что, как мы видели, не характерно для других мотивационных разрядов мифологических имен деревьев, которым присуща высокая вариативность и низкая частотность онимов, а чаще даже их единичные употребления.

имени и его этимологизации мы будем рассматривать вариантные обозначения дерева (эпитеты), имеющие сходный внешний облик и фигурирующие в однотипных текстах.

Первый из интересующих нас рядов — это сочетания, состоящие из терминологического фитонима *дерево / дуб* и имени / эпитета, входящих в лексическую группу с мощным варьированием, которую мы условно назовем «**группой карколиста**» (имея в виду самое частотное имя в этой группе). В предлагаемом ниже перечне лексические факты объединены в микрогруппы по фонетико-словообразовательной близости²⁴:

▪ **дуб Карікора** «На морі, на лукамор'і стаіць дуб Карікора, на тым дубе гняздо, у тым гнязде ляжаць 5 змей...» (Могилев., от змей) [Зам-09, № 628]; **дуб Карюковий**: «На синьому морі стоіть дуб Карюковий, під дубом — змія Куріп'я...» (Днепропетр., от змей) [СМУ, 88]; **дуб корьков**: «На мори на кияни стоіць дуб корьков, под корьковым дубом ляжиць камень латырь...» (Брест., от змей) [БС, 181, № 91]; **дуб кориковатый**: «Пойдет путник дороженькой, дойдет до моря-окияна, до острова до Буяна, на острове на Буяне стоят три дуба кориковатых, стоят три ворона черных...» (Сиб., от кровотечения) [Александров, л. 23, № 12];

▪ рус. **дерево карколист**: «У этого Окиана моря стоит дерево карколист; на этом древе карколисте висят: Козьма и Демьян, Лука и Павел, великие помощники» (от лихорадки) [Майков, 1869, № 107]; **дерево Карколист**: «У этаго Окиана моря стоит дерево Карколист; на этом дереве Карколисте висят: Козьма и Демьян, Лука и Павел, великие помощники» (Перм., от лихорадки) [Янович, 1903, 156]; **дзерава каркаліста**: «...пайду к морю-акіану. Там стаіт дзерава каркаліста, на том дзераве каркалісце сідзят дванаццаць апосталаў» (Гомел., от падучей) [Вяргеевка, 2013, № 1099]; **дерево карколисто**: «...у этого окияна моря стоит дерево карколисто, на этом дереве карколисте сидят Кузма, Демян и Лука и Павел, великия помощники» (Амур., от лихорадки) [Азадовский, 1914, 13]; **дерево корколист**: «У окиана-моря стоит дерево корколист, на дереве-корколисте висят: Козьма, Демьян, Лука и Павел, великие помощники» (Орл., от лихорадки) [Попов, 1903, № 80];

▪ **дерево краколист**: «У этого моря стоит дерево краколист. На этом древе краколисте сидят Кузьма и Демьян, Лука и Павел...» (Майкоп., от лихорадки) [Харламов, 1904, 7]; без указ. м. **дуб краколистый**: «Выду я в чисто поле на чистое море, на чистом море чистый камень, на чистом камне стоит дуб краколистый, под тем дубом краколистым сидит твердая красная девица, самоцветные шелки мотает, раны зашивает...» (старообряд. рукоп., XVIII в., от крови) [Щапов, 1863, 56 = Майков, 1869, № 148];

▪ рус. (лит.) **дуб колоколист**: «В чистых полях, в зеленых лугах стоит дуб колоколист; на том дубу сидят птицы яркие, поют песни Господние...» (от сглаза) [ФСЛ, 2, № 930]; **дуб-колоколов**: «На море-лукоморье стоял дуб-колоколов

²⁴ При подаче материала графические варианты указываются отдельно.

на двенадцать коренев, на двенадцать кокотов, на двенадцати гнёздах...» (Гомел., от падучей) [Вяргеевка, 2013, № 1096];

▪ **дуб крековастый**: «...на том святом окияне-море стоит стар мастер муж и у того святого окиана-моря, сырой дуб крековастый, и рубит тот старый мастер муж своим булатным топором сырой дуб, и как с того сырого дуба щепка летит, такожде бы и от меня имр. валился на сыру землю борец добрый молодец, по всякий день и по всякий час» (Сарат., старообряд. рукоп. XVIII в., на кулачный бой) [Щапов, 1863, 60 = Майков, 1869, № 328]; **дуб крестостый**: «В том чистом поле стоит сырой дуб крестостый. Под тем сырým дубом крестостым стоит Иоан Предтеч, держит крест да пелену; тою пеленою он утирает у раба (или рабы) Божьего (имя) кровь и рану» (Влг., от крови) [Ордин, л. 96]; **дуб креповастый**: «...у того святого Окиян-моря сырой дуб креповастый, и рубит тот мастер-муж своим булатным топором сырой дуб...» (Елабуж., чтобы была сила) [Вердеревская, Разживин, 1996, 16]; рус. **дуб крякновист**: «Стану благословяс(ь), пойду благословяс(ь), пойду в чистое поле под с(о)лнечную страну. Там стоит сыр дуб крякновист...» (заговор на присуху женщины) [РЗРИ, № 28]; **кряковатый дуб**: «Есть на сырой земле лежит кряковатый дуб. Царь дуб булат уговаривает: “Отгыми у меня, раба Божия (имя рек), тоску и щимоту и всякия болести от всякаго человека поимянно и от всякаго древа растущаго ударением”...» (Новг., от разных болезней) [Майков, 1869, № 228]; рус. **дуб кряковистый**: «На чистом море чистый камень, на чистом камне стоит дуб кряковистый, под тем дубом кряковистым сидит твердая красная девица, самоцветные шелки мотает, раны зашивает, руду унимает...» (от крови) [Там же, № 148]²⁵;

▪ **дуб Кракаў**: «У Кіеве на кіяне стаіць дуб Кракаў. А на тым дубе сядзіць дванаццаць братоў...» (Гомел., от ненависти) [Замовы, № 1319]; **дуб кряков**: «...выйду в чистое поле. Там стоит дуб кряков, на этом дубе крякове сидит Ворон Воронович, Кокот Кокотович...» (Арх., от разных болезней) [РЗЗ, № 1913]; **дуб-кряк**: «В чистом поле стоит дуб-кряк, под тем дубом-кряком лежит перина, на той перине Катерина...» (Смол., от змея) [Попов, 1903, № 115].

Проще всего в этой группе выявляются результаты позднейших народно-этимологических сближений (*креповастый* при аттракции к *крепкий*, *колоколист* и *колоколов* — в ходе притяжения к *колокол*). Что касается остальных фактов, то в «эпицентре», вероятно, находится гнездо праслав. *kьrkoľь / *kьrkoľь, континуантами которого являются рус. пск. *корокол* ‘выкорчеванный пенёк’, *короколь* ‘ответвление ветви’, твер. *корколятый* ‘суковатый’, блр. диал. *каркаліна* ‘кривое, раскидистое дерево’, *каркалісты* ‘суковатый, кривой’ и др., а исходное значение — ‘кривая, суковатая палка, дерево’ [ЭССЯ, 13, 217]. Несколько иначе

²⁵ Обратим внимание на эту подгруппу с устойчивым сочетанием *сырой дуб крестостый* / *креповатый*: создается впечатление, что *сырой дуб* — это апеллатив с постоянным эпитетом, а *крестостый* / *креповатый* выступает в функции ИС, откуда его постпозиция по отношению к апеллативу.

идентифицируют белорусские данные авторы [ЭСБМ, 4, 270], относящие слова *каркаліна*, *каркалісты* к **kork-aly*, **korkъ* ‘ответвление’. Здесь мы не можем специально заниматься тонкостями этимологической идентификации указанных слов, но это и не так важно в контексте данной статьи: в любом случае восточнославянские слова на *каркал-/коркол-* объединяются вокруг семантики раскидистого (суковатого) дерева.

Следует привести также дополнительные факты, которые являются либо формами с фонетической новацией — метатезой *корк*, *карк* > *крак*, либо оказались засвидетельствованными после выхода процитированного тома [ЭССЯ] (1987 г.): пск. *кóрокол* ‘коряга’ [ПОС, 15, 271], смол. *кракалэсты́й*, смол., пск., горьк. *кракаля́сты́й* [СРНГ, 15, 165], пск. *краколі́сты́й* ‘ветвистый, раскидистый’, *краколя́сты́й* ‘суковатый’ [ПОС, 16, 65], селигер. *каракаля́сты́й* ‘угловатый, некрасивый, неуклюжий’ [Селигер, 3, 15], влг. *корколя́ты́й* ‘суковатый’, влг. *коркóтник* ‘мелколесье’ [СГРС, 6, 41] и др. Важно, что для ряда слов из обсуждаемого гнезда в качестве иллюстраций приводятся исключительно фольклорные контексты (и ставится даже помета «фольк.»): пск. фольк. *кра́коль*, ум. *краколёк*, *краколёчик* ‘сук, сучок дерева’: «На том на дубу, на двенадцати краколях, сидит змей о двенадцати головах», «Дубу корни обомнете, краколечки нагнете, пчелок стряхнете» (свадебный приговор), «Вырыл дуб о двенадцати краколях, / А на каждом кракольку / Стоят пчёлки по улейку» [ПОС, 16, 65; СРНГ, 15, 165].

Формы типа *крековасты́й*, *крекосты́й*, *кряковаты́й* нуждаются в отдельном объяснении. Очевидно, они появились вследствие «скрещивания» слов из гнезда **kьrkoľь* / **kьrkoľь* с продолжениями **kręкъ* (этимологически родственного **kręgъ* и **kręзь*) и **kręky* / **kręкъva* (являющегося вариантом к **kroky* / **krokъve*, **kraky*), об этих гнездах см. [ЭССЯ, 12, 144–145]. Эти два гнезда близки и фонетически, и семантически; различия лишь в том, что в первом преобладает семантика собственно дерева (точнее, кряжа, коряги), а во втором — конструкций из дерева (обычно частей саней или телеги), причем, как правило, изогнутого. Понятно, что эти два гнезда создают практически единое морфо-семантическое поле, и развести континуанты по исходным «ячейкам» не всегда возможно: допустим, ср.-урал. *кряк* ‘утолщенная часть ствола дерева, кряж’ [СРГСУ, 2, 69] уверенно входит в **kręкъ*, в то время как арх. *кряквина* ‘кривое дерево’ [СГРС, 6, 207] формально ближе к **kręкъva*, а семантически — к **kręкъ*; что касается арх. *кряки* ‘приспособление для перевозки сена, дров и т. д., представляющее собой деревянный короб, который ставили на сани, или две длинные жерди, к которым привязывали груз’ [Там же], то по отношению к нему наблюдается обратный расклад. Ср. еще слова из этого поля: без указ. м. *крéква* ‘дубина, кол, шест’, юж.-рус., зап. *крóква* ‘лесина с боковым корнем, кокора’, *кряква* костр. ‘дубина’, юж.-рус., зап. ‘искривленная слега или бревно с утолщением в корневой части’, ‘сучковатая палка для скрепления дров, сена, уложенных на телеге, санях’, арх., влг., урал. *кряклины* ‘борт у розвальней, сплетенный дугообразно из еловых веток’,

яроsl. *кряковистый* ‘с толстым комлем (о бревне)’ [СРНГ, 15, 208, 273, 366–367] и мн. др. Л. В. Куркина считает возможным также говорить о праслав. **krek-/krok-* (с первичной семантикой ‘рассоха, разветвление’), куда относит, к примеру, перм., урал. *крéковистый* ‘сучковатый, ветвистый, кряжистый (о дубе)’, арх. *крéковище* (фольк. *Дубище-крéковище* ‘кряжистый дуб’), без указ. м. *крéковий* ‘кряжистый (о лесе)’ [Куркина, 2021, 93–98]; это гнездо частично пересекается с выделенными выше (см. особенно **kręky / *kroky*). Но каковы бы ни были сложные отношения на уровне праславянской реконструкции, они должны обсуждаться отдельно и нерелевантны для выяснения особенностей функционирования слов «группы карколиста», встречающихся в заговорах.

Возвращаясь к этой заговорной группе, заключим: перед нами обширное и гетерогенное по происхождению текстовое поле, объединяемое фонетически вокруг комплекса *к-р-к* с варьируемыми гласными нижнего и среднего подъема, а с точки зрения семантики — значениями раскидистого, сучковатого, и скривленного дерева, а также дубины (возможно, данное поле получает также дополнительный импульс со стороны слов с корнем *кор-* ‘кора’, ср. особенно форму *Карікора*). Если в системе языка слова из этого поля имеют некоторую степень экспрессии, обусловленной как формой, так и значением, то в магическом тексте эта экспрессия усиливается, а установка на эффекты вербальной магии, связанная с заговорной речью, расковывает исполнителя, подвигая на дальнейшие преобразования слов, входящих в поле (допустим, *дерево Карколист* может сближаться с *деревом Кипаристовым*, которое тоже встречается в заговорах). Из-за таких сближений и незакономерных (точнее, направляемых лишь закономерностями магии и экспрессии) трансформаций появляются весьма далекие от исходных слов формы. В силу всего сказанного несколько излишней и мифологически перегруженной представляется реконструкция *дуба карколиста* (*дуба корькова*), изложенная в [Иванов, Топоров, 1974, 32–33, 176].

У нас нет сомнений в апеллятивной природе сочетаний типа *дерево корколист* или *дуб кряковистый*, поскольку соответствующие слова отмечены в нефольклорном употреблении именно как нарицательные, а их функция эпитета в данном случае безусловна²⁶. С другой стороны, такие факты, как *дуб Кракаў*, *дуб Карікора*, *дуб Карюковий*, *дуб корьков*, могут быть квалифицированы как имена собственные, поскольку наиболее близки к немотивированным «этикеткам». Остальные слова дают плавные переходы на оси «имя нарицательное ↔ имя собственное».

²⁶ Ср. тексты с подобными эпитетами, получающими, кроме того, морфемное оформление, которое отсылает к *карколисту / кряковисту*: «У чыстым поли на синим мори стоиць *дуб широколист...*» (Витеб., от змеи) [БС, 108, № 280]; «Во море Кияне на острове Буяне стоит *дуб широколист*. На том дубе сидит сокол, под тем дубом змея» (Вят.) [ВФЗИ, 51], юж.-урал. «...стоит сырой *дуб закоренест*. Как во сыром дубу стоит сучья...» (от нестоячки) [Бекетова, Колмогоров, 2001, 87].

Обратим внимание еще на один момент. Внутри обширной по составу «группы карколиста» выделяется небольшая подборка примеров, объединяемая тремя признаками: определение *ка(о)рколист*, апеллятив *древо / дерево* и функция текста — «от лихорадки». Мы предполагаем, что апеллятив *древо* (а не *дуб*, как в большинстве остальных случаев в этой группе), а также принадлежность к заговорам от лихорадки указывает на связь этих текстов с древнерусской книжно-рукописной традицией, из которой, собственно, и вышли восточнославянские заговоры от лихорадки типа Сисиниевой молитвы. Это может объяснить и форму *ка(о)рколист*, обнаруживающую наибольшую близость к праслав. **kьrkolь / *kьrkolь* (континуанты которого присутствуют в древнерусском языке, см. хотя бы *каракуля* ‘всякое искривленное дерево’, ‘инструмент в виде поваренного ухвата для вытаскивания дров из плавильной печи’ и др. [СЦСЯ, 162]), и апеллятив *древо* (др.-рус. *дрѣво*) в противоположность общефольк. *дерево / дуб*²⁷.

Другая обширная группа эпитетов дуба, среди которых есть слова, дрейфующие как в сторону имени собственного, так и в направлении имени нарицательного, — это «**группа стародуба**»:

- **дуб-стародуб**: «На море на Окияне, на острове на Буяне стоит крута гора Сион-матушка, на крутой горе растет дуб-стародуб, под тем дубом-стародубом лежит цепь железная, обвита вокруг дуба, к этой цепи привязан старый бес...» (Олон., от укуса бешеным животным) [Виноградов, 1, № 40]; «На Елененой горе стоит дуб-стародуб. На етом дубу сидит дед Скородед, возле етого дуба стоит кровать тесовая, на етой кровати лежит перина пуховая...» (Калуж., от змей) [РЗЗ, № 808]; «Там на поляне стоит дуб-стародуб. На том дубе-стародубе сидит рожка...» (Калуж., от рожистого воспаления) [РЗЗ, № 1761]; «На море-океане, на острове Буяне стоял дуб-стародуб. На том дубе-стародубе лежал большой камень. На этом большом камне лежало черное руно. На этом черном руне лежала змея-скоропая...» (Калуж., от змей) [РЗЗ, № 1957];

- **дуб Стародуб**: «На море океане, на острове на Буяне стоит дуб Стародуб, под тем дубом Стародубом гнилая колода...» (Смол., от змей) [Неклюдов, 1908, 19];

- **дуб стара-дуб**: «На море-окиане, на большом Буяне стоит дуб, стара-дуб, под этим дубом, стара-дубом лежит камень Белороб, на этом камне Белоробе сидит змей-Скороспей...» (Орл., от змей) [Попов, 1903, № 116];

- **дуб-старадуб**: «Стаиць дуб-старадуб, пад тым дубам-старадубам тры змяі...» (Минск., от змеи) [Зам-09, № 607];

²⁷ Конечно, форма *древо* встречается и в других заговорах. Однако если присмотреться к ним повнимательнее, выяснится, что одна половина таких контекстов с *древо* — это тоже заговоры от лихорадки, восходящие к рукописной Сисиниевой молитве, а вторая — это другие заговоры из рукописных сборников: «пойду я к Киндяшному древу» [Бекетова, Колмогорцев, 2001, 97]; «на той горы окяние есть окяня древо» (молитва от веснухи-лихорадки) [ОЧ, 336]; «В цистом поле стоит древо макрида» [Фридрих, 1936, 448]; и т. д.

▪ *стар-дуб*: «На мори на кияни на вострови на буяни стоиць стар дуб...» (Могилев., от змей) [БС, 118, № 327];

К «группе стародуба» примыкают редкие фиксации *дуба-скородуба*:

▪ *дуб-скородуб*: «На море, на Ясияне стоит дуб-скородуб...» (Калуж., от утина) [Минёнок, 2000, 33]; «На море на океяне, на остром кургане стоит дуб скородуб, на том дубе скородубе шесот суков...» (Брян., от змей) [ПЗ, № 675].

Имена из этой группы варьируют значительно меньше, чем в «группе карколиста», и само варьирование имеет меньшую амплитуду, сводясь преимущественно к графическому, а также к фонетическому: *стародуб / скородуб*²⁸; при этом текстов в группе относительно много — 14. Невысокая степень варьирования объясняется прозрачностью внутренней формы основного варианта — *стародуба*. Ясно, что п р и з н а к «с т а р о с т и» — один из базовых в языке для дуба (ср. частотные сочетания *старый дуб, вековой дуб*). Но почему прозрачное слово *стародуб* может превращаться в аномальное *скородуб*?

Дело в том, что тексты, где фигурирует *стародуб / скородуб*, — это почти исключительно заговоры от змей, в которых обязательно упоминается «главная» змея, находящаяся в мифологическом центре, а самое частотное имя такой змеи — *Ско(у)ро(а)нея* (с множеством вариантов: *змея Скарапейная, Скарапея, Скорпи(е)я, Скорупеха, Скарахвея, Скурупей, Скурупяица, Шкорупея, Шкурапея, Шкарухвея, Скурапей, Скоропей, Скороспей* и др.) [Агапкина, 2013, 436–437; см. также: Юдин, 1997, 165–166]. Такие имена появляются и в интересующих нас заговорах «недалеко» от *дубов-стародубов* (см. примеры выше), и, скорее всего, в подобных случаях реализуется характерная для заговоров инерция онимизации: имена дуба и змеи испытывают друг к другу аттракцию *стар- ↔ скор-*, вследствие чего *стародуб* превращается в *скородуб*, ср.: «На море на океане, на высоком кургане стоит дуб-*скородуб*. Под тем дубом-скородубом лежит камень-белорус. Под тем камнем-белорусом лежит змея-*скорупеха*» (Калуж.) [РЗЗ, № 1958]; «На море на океяне, стоит дуб-*скородуб*, на том дубе — тесовая короватъ, на коровати — пуховая перина, на той на перине лежит змей-*скоропей*, змея Катерина» (Калуж.) [РЗЗ, № 1963]. Эта версия подтверждается тем, что в подобных заговорах от змей могут появляться другие персонажи с именами, созвучные именам дуба и змеи, например *дед Скородед*.

Заканчивая анализ «стародубов», отметим, что в реальной топонимии фиксируется название города *Стародуб* (в старину также *Стародуб Северский*), административно относившийся то к Черниговщине, то к Гомельщине, то к Брянщине. На гербе этого города изображен старый дуб с наполовину опавшими листьями. Возможно, этот топоним тоже повлиял на частотность

²⁸ В одном из текстов различить эти варианты не представляется возможным: «На морях, на окияне, на высоком кургане стоит дуб-скородуб (*стародуб?*). Под этим дубом-скородубом (*стародубом?*) лежит змей-скоропей» (Калуж.) [РЗЗ, № 1960].

стародубов в заговорах (но не мог, думается, служить для них единственным прототипом).

Наконец, третья группа мифодендронимов, о которой пойдет речь, — это группа «**царя-дуба**». Она еще менее пространна и вариативна, чем предыдущие две, и включает следующие онимы:

▪ **дуб-царь**: «Стоял дуб-царь на синем мор, собирались на нем птицы...» (Смол., от боли в животе) [Попов, 1903, № 54];

▪ **царь-дуб**: «Между трѣх марей стаиць царь-дуб. Як таго цыра-дуба нікому не відаць <...> так и мяне, р. б. і. р., нікому не ўзяць» (Могилев., от чародейства) [Зам-09, № 322] (форма в косвенном падеже может представлять собой контаминацию *царя-дуба* и *сыра дуба*; ср. частотность сочетания *сыр(ой) дуб*, о чем см. ниже);

▪ **царь дуб**: «Есть на сырой земле лежит кряковатый дуб. Царь дуб булат уговаривает: “Отыми у меня, раба Божия (имя рек), тоску и щимоту и всякия болести от всякаго человека поимянно и от всякаго древа растушаго ударением”» (Новг., от удара и боли) [Майков, 1869, № 228];

▪ **цар-дуб**: «На горі на Сіяні, там цар-дуб стояв, під цар-дубом цар-кущ²⁹ липов стояв, під цар-кущом липовим сидить гадюка шкуруп'яна...» (укр.-полес., от укуса скотины) [Гладкий, 1999, 287];

▪ **царадуб**: «...пайдзи на Сиянскую гору, там стаиць царадуб, пад тым дубам лежыць камень, пад тым камнем ляжаць ключи...» (Гомел., от зверя) [ПЗ, № 907] (эпентеза *a* между основами — не под влиянием ли *старадуба*?).

В основе вариантов этого онима лежит указание на статусность дерева, которая может определяться его возрастом, размерами, раскидистостью и пр., — это важный признак дерева (особенно дуба) в языковой номинативной практике (см. упоминавшиеся в начале статьи боснийский *carski hrast* ‘царский дуб’, полесский *царь-дуб*). Представляется, что обсуждаемые случаи, с одной стороны, не утратили «апеллятивности» (в силу прозрачной внутренней формы), с другой — претендуют на звание имен собственных — опять же за счет внутренней формы: она указывает на эксклюзивный статус дерева, его уникальность, не оставляет сомнений в том, что определение *царь* может быть приписано одному-единственному дереву из всех возможных.

Эти четыре группы имен-характеристик деревьев (*древо кипарис, дуб / дерево карколист, дуб-стародуб* и *царь-дуб*) дают ключ к пониманию того, какие признаки деревьев наиболее востребованны при номинации. Анализ показывает, что подобные признаки лежат в основе и других (более редких) мифодендронимов отапеллятивного происхождения.

²⁹ Ср. здесь перенос *цар-дуб* > *цар-кущ*, осуществляющийся под действием заговорной инерции онимизации.

Порода дерева:

▪ **дуб Ракитаний**: «На поли, на кияни стоиць дуб Ракитаний, на том дуби 12 кокотов, на тых на 12 кокотах 12 цяцюх...» (Могилев., от лихорадки) [БС, 171, № 55]; «На поли на кияньским коло Сияньскаго моря стоиць дуб Ракитаний...» (Могилев., от болезней скота) [БС, 189, № 8]; **дуб Ракитан**: «На поли на кияни стоиць дуб Ракитан, под тым дубум куст ракитувый, а ў том кусьци ракитовым камора, а ў той камори куст явору...» (Могилев., от змей) [БС, 180, № 88] < фольк. *ракитовый куст* (ср. соседство дуба *Ракитана* и *куста ракитувого* из контекста выше; ср. также в заговорах: *куст ракіт* «Як на моры, лукаморы стаиць куст ракіт, пад тым кустом — змяінае гняздо...» (Гомел., от змей) [Зам-09, № 654]; *ракитыў куст*: «На мыри, на кияни, на вострыви на Буяни стаить дуб. Пад тым дубым стаить ракитыў куст, пад тым кустом ляжить бел каминь алатырь...» (Смол., от змей) [Добровольский, 1, 184]) < *ракита* ‘дерево или кустарник из рода ив, растущее главным образом по берегам рек’ (ср. выше *дерево Кипарис*). Именование дуба по названию другой породы дерева (ср. также, например: «На море окияне, на острове на буяне стоит дуб кленовый...» (Забайк.) [Толмачев, 1911, 68]) еще раз возвращает нас к вопросу, затронутому в начале статьи, — о том, что в ряде контекстов в заговорах *дуб* означает ‘дерево’.

«С т а т у с н о с т ь» д е р е в а (большое, «главное», самое старое и пр.):

▪ **дуб Мир**: «На морі-окияні стоить дуб Мир, коло дуба лежать кості...» (Сумск., от зубной боли) [СМУ, 57] — возможно, напрямую из украинского апеллятива *мир* ‘вселенная, мир’ [Гринченко, 2, 426], и тогда можно допустить, что в мифодендрониме отражен образ мирового древа (ср. образ дуба: «...на том острове стоит дуб, от земли до небес, от востоку и до западу, от молода месяца до ветху» [ОЧ, 257], охватывающего собой весь мир в его пространственных и временных координатах). Интересно, что в екатеринославском заговоре встречается дуб *Ладимир* (см. выше);

▪ лит. (рус.) **дуб Фараон**: «На море, на океане стоит дуб Фараон. На тым дубу Фараоне сидит змея Сарафея...» (от змей) [ФСЛ, 2, № 954] — возможно, из *фараон* ‘титул царей в Древнем Египте’, которое могло быть известно из Библии (ср. *царь-дуб*). Единственная параллель к этому ИС, известная нам на данный момент, — фрагмент духовного стиха «Страшный суд» из Симбирской губернии, в котором архангел Михаил просит пророка Илью задвинуть гору, чтобы не слышать криков осужденных грешников из ада: «Возьмите вы ружьи со громом великиим, / Задвиньте вы Фараон-гору каменную: / Не слышать бы мне от грешных ни визгу, ни писку!» [Бессонов, 4, № 508]. В свою очередь, это наводит на мысль о том, что ИС *Фараон-гора* могло возникнуть в результате искажения ИС *гора Фавор* (известного фольклорного топонима), и уже под его влиянием мог получиться и *дуб Фараон*, хотя это — из области предположений;

▪ блр. **дуб Прокурон**: «На мори на кияни стоиць дуб Прокурон, на том дуби тридзевяць кокотов...» (от змей) [БС, 184, № 104]. Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров [1974, 32] объясняют ИС следующим образом: «Имя дуба *Прокурон* <...> внешне

напоминает также индоевропейские собственные имена, связанные с именем Бога Грозы и с названием дуба, как Кёрхура, Кёрхура (иллирийское имя позднейшего Корфу), Корχοντοί, венетское (или кельтское) *Quarqueni* <...> В этих именах чередовались гетероклитические *r* и *n* (в основах **perkur-* : **perkun-*, лит. *Perkūnas*) и имели место фонетические изменения первой фонемы как в итальянском (лат. *quercus* ‘дуб’). Не стоит ли, однако, сузить круг поисков и предложить в качестве возможного этимона лежащие на поверхности однокоренные *прокурор* и *прокуратор*? Второе известно из Библии, а в гражданских белорусских текстах — с начала XVI в. [см.: ГСБМ, 29, 174], т. е. заимствование достаточно старое для того, чтобы мигрировать в народные тексты. Это представляется перспективным и с точки зрения мифологической семантики: в слове *прокурор* / *прокуратор* может актуализироваться сема ‘главный, важный, первый, высокий’, столь значимая для мифопоэтики дуба как первого дерева восточнославянского дендрария (ср. обозначенную выше модель именования дерева по статусному лицу, правителю: *царь-дуб*, *дуб Фараон*);

▪ **дуб пиркамид**: «На мори акияни, на острави буяни стаить дуб пиркамид. Пад тием дубам земля ляжить, кричить, савывая, сваих казюлят падкликая...» (Ворон., от змей) [Тростянский и др., 1916, 158] — не стоит ли усмотреть связь со словом *пирамида*, известным в переводных русских текстах с XI в. [СлРЯ XI–XVII, 15, 47]? Здесь тоже может выступать на первый план сема ‘большой, крупный; относящийся к первому лицу’; кроме того, как заметно по приведенным названиям деревьев, для ИС в заговорах немаловажен фактор экзотичности, который замечательно поддерживается заимствованиями-«варваризмами» (ср. *дуб Фараон*, *дуб Прокурор*);

▪ **кит-дрэва**: «На сінім Буяне, на сінім акіяне стаіць кит-дрэва на ста карнях, на ста вярхах, на ста какатах. Там жыве сама гадзіна Кацярына...» (Гомел., от змей) [Замовы, № 315]. Название может быть объяснено двояко, хотя в конечном счете оба объяснения восходят к одному и тому же признаку — размеру названного во внутренней форме морского животного (блр. *kit* ‘кит’). Самое простое объяснение состоит в том, что оним *kit* присваивается гигантскому дереву, которое стоит на ста корнях, имеет сто верхов и сто ветвей. Вместе с тем не стоит забывать, что *кит-рыба* — один из популярных образов в фольклоре и древнерусской книжности — начиная с бестиариев [Белова, 2001, 143] и «Беседы трех святителей», сообщавшей о том, что земля стоит «на семи китах» [Бабалык, 2012, 112], с «Голубиной книги», рассказывающей о том, что «кит-рыба — всем рыбам мати...» [СКД, 211], и заканчивая сказками на сюжет [СУС] 461 «Марко Богатый», в которых кит-рыба лежит на море и по ней ездят и ходят, как по мосту, см. в том числе в белорусской сказке: «Ляжыць рыба-кит цераз мора пераходжае» [ЧК, 2, № 82].

Суковатое дерево, дубина:

▪ **Киндяшное древо**: «...пойду я к Киндяшному древу, на Киндяшном древе сидит Киндяшняя птичка без когтей...» (Юж.-Урал., рукоп., как к начальнику

идти) [Бекетова, Колмогорцев, 2001, 97] — возможно, из олон. *киндя́га* ‘большая дубина’, арх. *киндю́га* ‘березовый или ивовый очищенный от коры кол, палка’ [РДЭС, 300]. Однако остается вопрос о лингвогеографии: *киндя́га* «привязана» к Русскому Северу, а *Киндяи́ный* — к Южному Уралу. Известно, что рукописные заговоры вместе с владельцами рукописей могут преодолевать большие расстояния. Анализ текстов из сборника [Бекетова, Колмогорцев, 2001] приводит к выводу о том, что ярких уральских маркеров в этой книге, кажется, нет, в то время как текстологические и лексические маркеры, отсылающие к Русскому Северу, в сборнике имеются: к числу первых относится большое количество охотничьих заговоров и употребление зачинной формулы «Стану, благословясь, пойду, перекрестясь» (об ее преимущественно севернорусской привязке см. [Агапкина, 2010, 41–42, 79]); к числу вторых — частотное употребление слова *грыжа* в значении ‘любая внутренняя болезнь с острой болью’, наличие сочетаний *питеры-едеры, безотпятно-безотворотнo* (см. предположение о том, что последнее присуще заговорам, происходящим с Русского Севера, в [Сурикова, 2017, 229]) и др. Разумеется, эти маркеры не абсолютны, но все-таки версия о том, что заговор, где фигурирует слово *Киндяи́ный*, имеет привязку к Русскому Северу, вполне обоснованна. Это подтверждает наше предположение о том, что это имя образовано от узколокального олон. *киндя́га* ‘большая дубина’.

В основе ИС деревьев в заговорах также может лежать указание на следующие свойства дерева.

Крепкое, твердое дерево:

▪ **дуб-камень:** «Создай мне с небес дуб-камень дикое мясо сварить, кости и тело залить: тело мое затверди, и буди тело мое аки дерево, кости железны, голова чугуна, руда моя медная...» (Нижегор., на кулачный бой) [НЗ, № 216] (ср. в тексте множество упоминаний твердых материалов: *камень, кости, железо, чугун, медь*; не стоит забывать и о тесной связи функциональной направленности заговора — на победу в кулачном бою, его образной структуры и лексического устройства; такая связь, конечно, типична для магических текстов);

▪ **дуб закоренест:** «Окиан святое море, покрай него стоит сырой дуб закоренест. Как во сыром дубу стоит сучья... так чтобы у р. Б. бел х... стоял...» (Юж.-Урал., от нестоячки) [Бекетова, Колмогорцев, 2001, 87] (упоминание твердого, крепко стоящего дерева вновь напрямую связано с функциональной направленностью заговора).

Дерево с особой листвой:

▪ **дуб широколист:** «У чыстым поли на синим мори стоиць дуб широколист...» (Витеб., от змеи) [БС, 108, № 280]; «Во море Кияне на острове Буяне стоит дуб широколист. На том дубе сидит сокол, под тем дубом змея...» (Вят., от измены) [ВФЗИ, 51];

▪ **дуб-нелень:** «В лісі в Кодрі стоять дуб-нелень і дід Карипото. Добривечір тобі, дубе неленю...» (Киев., от криксов) [Зорі, 201]; «У лісі нелень-дуб, а в полі

з борони зуб...» (Киев., от теменного зуба) [Зорі, 213]; «Дубе-неленю, в тебе сынок Иванко, в мене донька Оленка...» (от детской бессонницы) (Киев.) [ПЗ, № 36] < укр. *нелінь* 'дуб, с которого не опадают листья' [СУМ, 5, 331], т. е. такое дерево, которое обычно поздно распускается и поздно теряет листву.

Дерево с ульем:

▪ **дуб бортняк**: «на кияни мори ляжиць камень латырь, под каменем латырем стоиць дуб бортняк <...> Дуб-бортняк, возьми з етыя скоцины чемерь...» (Могилев., от болезни скота) [БС, 192, № 17] < рус. *борть*, блр. *борць* 'улей в дупле', т. е. *дуб бортняк* — 'такой дуб, в котором есть борть'.

Место произрастания дерева:

▪ сарат. **дуб Волинский** (контекст см. выше). Этот эпитет допускает производность от географического имени *Волянь*: таких топонимов в Славии, в том числе Восточной, довольно много, при этом наиболее известна *Волянь*, являющаяся исторической областью на северо-западе современной Украины [обзор см.: Аникин РЭС, 8, 200–201]. Более вероятно предположение о том, что здесь отражено не столько конкретное географическое имя *Волянь*, сколько соответствующий географический термин, который реконструируется по топонимии (с некоторой долей гипотетичности) и обозначает небольшие возвышенности [Там же, 201]. Интересно, что единственная «прямая» фиксация географического термина *волянь* относится к говору Куньинского района Псковской области [Там же], а один из фольклорных *дубов волинских*, представленный в загадке (см. текст выше), фиксируется именно на Псковщине. Заманчиво считать, что фольклорные данные поддерживают реконструкцию географического термина, претендующего на статус общеславянского. Менее вероятно предположение о том, что именование дуба связано с фольклорным гидронимом *Хвальнское море* (= Каспийское), имеющим вариант *Волинское море* [Агапкина и др., 2018а, 78].

Особняком в группе отапеллятивных мифодендронимов стоят два случая, когда ИС дерева напрямую обусловлено функциональной направленностью заговора (о ней уже говорилось выше: см. **дуб-камень**), — такие имена указывают скорее не на релевантные признаки дерева, как это было в предыдущих примерах, а «тематически» связаны с магической целью текста:

▪ **дуб Трикосень**: «В восточной стороне стоит дуб Трикосень. На этом дубе сидит Михаил Архангел, Николай Чудотворец, Пресвятая Богородица. <...> выскребайте у раба Божия (имя) причти, уроки, трески, верески...» (Арх., от порчи) [Крашенинникова, 2001, № 31]. Слово «темное», соответствующий апеллятив не обнаруживается; по поводу его происхождения можно высказать несколько версий. Первая такова. *Трикосень*, возможно, связан (метатеза)³⁰

³⁰ Метатезы в изучаемом тексте представлены: ср., в частности, *причти* — *притчи* (оба слова фигурируют в заговоре; исходный вариант — *притчи*).

и последующая трансформация) с появляющимся далее в тексте словом *трески*. Это слово тоже не отмечено словарями, но есть смысл предположить такую реконструкцию: оно рядоположено *притчам* и *урокам* и, скорее всего, образует рифмованный бином с последующим *верески* (во всем тексте цитируемого заговора, весьма обширном, приемы лексической амплификации встречаются неоднократно). Оказиональное *трески-верески* входит в два смысловых ряда: с одной стороны, различные повреждения дерева, с другой — неприятности и урон, случающиеся с человеком в результате сглаза, ср. однокоренное общенар. *трещина*, а также диал. *трэска́* ‘щепка, щепка’, ‘о дереве, разбитом молнией’, *трэска́ть* ‘ломаться, лопаться, разрываться на части’, фольк. *трэскает сердце* ‘страдать от горя, мучений’, *трэснуть* ‘умереть, скончаться’, ленингр., карел. *трескóтина* ‘щепка, обломок ствола дерева’, ‘место разрыва на чем-л.’, ‘трещина, рана (на руке, ноге)’ и др. [СРНГ, 45, 50, 51, 53]. При этом *верески* — явно дублетное эхо-слово к *трески*, совмещающее в себе и отсылку к признаку треска (ср. арх. *вэреск* ‘треск, скрип’ [АОС, 3, 109]), и, возможно, аллюзию к арх. *вэред* ‘болезнь вследствие сглаза’ [КСГРС]. Небеспопченна мысль о том, что *трески* тоже имеет дополнительный слой соотношений и может быть сопоставлено со словами типа арх. *трэсья*, *трэсье* ‘болезнь вследствие сглаза’ [КСГРС], которые фонетически производны от *трясти*. Как бы ни решался вопрос о происхождении слова *трески*, оно могло «навести» название дуба, способствующего излечиванию от *тресок* (ср. и фонетически аккомпанирующий названию болезни способ ее удаления — *выскребать*). В архангельских говорах отмечено также слово *трескотень* ‘шум, треск’: «Трескотень такая стояла» [КАОС], которое фонетически наиболее близко *Трикосеню*: оно могло стать непосредственным источником данного слова. Вторая версия происхождения слова *Трикосень* тоже основана на том, что изучаемый текст содержит примеры окказионального словотворчества; значит, для *Трикосеня* можно указать еще такой источник словотворческих ассоциаций, как слово *прикос*, ср. арх. *прикосы* ‘уроки, сглаз’ [КСГРС]. Согласно третьей версии, в слове *Трикосень* можно выделить числовой компонент *три-*, который благодаря символической нагрузке этого числа часто встречается в текстах магического характера; второй корень — *кос-* — идентичен корню в слове *прикос-* (и тоже имеет богатые мифоритуальные коннотации). Ни одно из высказанных предположений нельзя считать «полным попаданием»; трудность реконструкции усугубляется тем, что рассматриваемый заговор, хоть и является очень интересным и аутентичным, все же содержит несомненные ошибки (так, слово *гусей* в формуле *как с гусей вода* передано в виде *гулей*).

Известны также случаи, когда имя дерева в заговоре интертекстуально — оно не отражает реальных свойств дерева и не связано с функциональной направленностью текста, но апеллирует к постоянному эпитету, которым наделяется дерево в фольклоре (в том числе за пределами заговоров):

▪ **дуб мокрецькой**: «На горах Афонских стоит дуб мокрецькой; под тем дубом сидит праотец Панфутый, с тремя надесятьми братьями...» (Олон., от лихорадки) [Прилежаев, 1871, 259, № 21; Курец, 2000, № 206];

▪ **дуб мокрецький**: «На горах Афонских стоит дуб мокрецький; под тем дубом сидят тринадцать старцев со старцев Пафнутием...» (Ряз., от лихорадки) [Солодовников, 1912, 95];

▪ **дуб мукрецькой**: «На горах Афонских стоит дуб мукрецькой, под тем дубом сидят 12 старцов со старцем Пафнутьем...» (Нижегор., от лихорадки) [НЗ, № 79];

▪ **дуб Макрэцькі**: «На гарах Афонских стаіць дуб Макрэцькі, пад тым дубам сядзяць трынадзесяць старых со старцам Пафнуціем...» (Гомел., от лихорадки) [Вяргеевка, 2013, № 1085];

▪ **древо макрида**: «В цистом поле стоит древо макрида; под этим древом стоить три ангела: Климан да Пиман, да Кузьма-Демьян...» (Пск., от лихорадки) [Фридрих, 1936, 448].

На наш взгляд, все эти мифодендронимы отсылают к устойчивой «связке» *сыр(ой) дуб*; см. особенно апеллятивные параллели для последнего случая: *мокрида* томск. ‘сырость, слякоть’, курск. ‘в суеверных обрядах — обливание друг друга водой во время засухи для того, чтобы пошел дождь’, калуж. *играть в мокриду* ‘детская игра (дети сталкивают друг друга в воду)’ [СРНГ, 18, 209]. Возникновение формы *мокрецький* и ее вариантов может объясняться в том числе «популярностью» модели номинации деревьев в заговорах на *-ский/-цкий*, о которой мы говорили выше; возведение же *мокрецького* к *крековистому* [Журавлев, 2005, 451] видится неправомерным, а версия об упрощении *Мамврийского* до *мокрецького*, которую предлагает А. В. Юдин [1997, 173], представляется не до конца точной.

Встречаются среди мифодендронимов и такие, которые невозможно объяснить ничем иным, кроме как действием механизма *о н о м а с т и ч е с к о й и н е р ц и*, — они представляются семантически «пустыми» и возникают в результате «игры слов» в заговорном тексте:

▪ **дуб Подлив**: «На реке Поразливе, под дубом, под Подливом сидят три апостола и Гавриил архангел с праведным Симеоном святым...» (Орл., от лихорадки) [Попов, 1903, № 81]. «Спусковым крючком» здесь явно служит *река Поразлива* («разливающаяся река»), при этом текст строится на приеме языковой игры с приставками и предлогами: «**На реке Поразливе, под дубом, под Подливом...**»;

▪ **дуб Івала**: «На гарэ стаіць дуб Івала, пад тым дубам ляжыць вуж, чэсны муж Івалга...» (Гомел., от змей) [ТЗС, № 113] — в этом случае трудно понять, какое из ИС первично — *дуб Івала*, которое может происходить от *іва* ‘ива’ (ср. *древо кипарис* и *дуб Ракитан*), или *вуж Івалга* (не от обозначения ли птицы иволги?). Впрочем, легко может оказаться, что оба слова (особенно мифодендроним) асемантичны; несомненно здесь только их взаимопритяжение;

▪ **дуб Лебядин**: «Добры день, дуб Лебядин! У тябе дочка, ў мяне сын...» (Гомел., от детской бессонницы) [БС, № 115]; **дуб Лебядзін**: «Добры вечар, дуб

Лебядзін, у мяне — дочка, у цябе — сын. Твайму сыну крыксы-варыксы, а маёй дочцы — спаць ды гуляць» (Гомел., от криксов) [Вяргеевка, 2013, № 972]. Впрочем, чаще определение *лебя(е)дин* прилагается не к дубу, а к лесу, причем как в белорусских, так и в украинских заговорах: «Ліс, ліс-лебедин, у мене дочка — у тебе син. Посватаємось, побратаємось, на сонливці поміняємось. Я тобі дам крикливці, а ти мені дай сонливці...» (Черкас.) [ТСС, 13–14, № 5]; «Добры дзень табе, лес лебядзіны. У цябе сын Міхаіл, у мяне дочка (імя). Вазьмі ў яе крыксы-плаксы...» (Могилев.) [Зам-09, № 168]. Очевидно, что ИС восходит к укр. нар.-поэт. *лебедин* 'лебедь' [СУМ, 4, 457], хотя ответ на вопрос о причинах появления такого ИС у леса или дуба неочевиден: ни лес, ни дуб не связаны с лебедем ни по месту обитания, ни по какому бы то ни было сходству во внешнем облике или формах поведения. Наличие украинского топонима *Лебедин* (город в Сумской обл.) также не решает проблемы: лебедь изображен на историческом гербе города и ассоциируется как с традиционным обитанием в нем лебедей, так и с птицеводством. Можно также попытаться увидеть в *лебедин* ласковое обращение типа рус. *голубчик* или *лебедушка*, однако это не подтверждается другими формами обращений к деревьям и лесу в заговорах от детской бессоницы, где присутствуют характеристические определения типа *дубе неленю*, *дубе недоборе* или родственное обращение *куме дубу*, объясняемое предстоящим сватовством детей дерева и человека [об этом сюжете заговоров см.: Агапкина, 2010, 269–274].

Далее мы вступаем в область чистых гипотез. Первая состоит в том, что в формировании ИС какую-то роль могли сыграть звуковые ассоциации — как прямые (*лебедь* — *лес*), так и противозвучия, основанные на обратных соотношениях (*лебедь* — *дуб*). Второе соображение, которое представляется нам более весомым, также касается звука. Обратим внимание на то, что *Лебедином* лес и дуб называются лишь в одной группе украинских и белорусских заговоров, а именно в заговорах от детского крика и бессоницы: дубу и лесу человек предлагает крик и плач своего ребенка. Не может ли такая устойчивая функциональная привязка ИС *Лебедин* служить ключом к пониманию его природы? Лебединый крик — одна из ярких и выразительных примет поведения этой птицы (ср. название едва ли не самого распространенного в Северной Евразии вида лебедя — *лебедь-кликун*), и отсылание детского крика этой птице кажется вполне оправданным. Напомним о применявшейся в разных регионах Восточной Славии практике «отправлять» детский крик также и курам, известным своей голосистостью, см.: «Курочки-сокотушки, возьмита от молоденца ночнушки; вам, курочки, спевати, а молоденцу спати» (Гомел.) [БС, 33, № 118]. В подтверждение ассоциации «лебедь / крик — детская бессонница и плач» приведем фрагмент еще одного заговора, где то же ИС присваивается «деду», у которого имеется крикливый сынок: «Ой ты, дзед-лебядзен, у цябе — сынок, у мяне — донька. Твой сынок на лесу урычыць ды гукае, а мая донька спіць ды гуляе» (Могилев.) [Вяргеевка, 2013, № 942].

* * *

Итак, в статье изучается значимая часть ономастикона восточнославянских заговоров — имена деревьев. Мы пытались высказать варианты этимологических решений, чему способствовал весьма полный сбор материала, но все же в некоторых случаях наши предложения носят сугубо гипотетический характер (дуб *Точка* и др.)³¹.

Дисперсность поля ИС деревьев в восточнославянских заговорах, отсутствие высокочастотных имен дуба, а также имен, находящихся параллели в книжно-рукописной традиции (за исключением дуба *Мамврийского*), с высокой степенью вероятности указывает на преимущественно фольклорные истоки большинства из этих имен, а также, возможно, на их относительно поздний характер.

Отсутствие явного «лидера» (восточнославянского или русского) среди имен деревьев в восточнославянских заговорах проявляется, в частности, в их диалектности. Дуб *Мильян* встречается на территории смоленско-белорусского пограничья в составе заговоров от укуса змеи; дуб *Лаврентий* — в вятско-костромской зоне в заговорах от лихорадки; дуб *Сорочинский* — на Русском Севере, Северо-Западе и в Белоруссии в любовных заговорах; дуб *стародуб* — в юго-западнорусских областях и Восточной Белоруссии, *царь-дуб* — в западнорусских и восточнобелорусских областях.

Что касается номинативных тенденций в заговорном дендронимиконе, то мы наблюдаем их поляризованный разброс: от онимизации апеллятивов, характеризующих свойства дерева (дуб *Ракитан*, дуб *Мир*, *Киндяшное древо* и др.), до выбора для дерева человеческого имени (*ліпа Валляна*, дуб *Евгим*, *бязоза Катярина*, *дерево Петрий* и др.). Полярность этих тенденций в том, что в первом случае используются наиболее информативные номинации (характеризующие, к примеру, размер и раскидистость дерева, его «статус» в ландшафте, место произрастания и пр.), а во втором — знаки с высокой степенью условности, которые никак не могут быть прочтены как характеристические номинации.

«Отапеллятивный» номинативный тип (превращение имени нарицательного или эпитета в имя собственное) используется потому, что он реализует наиболее естественный, первичный путь формирования собственного имени на основе дескрипции (разумеется, этот процесс сопровождается словообразовательными трансформациями, ср. дуб *Ракитан*). Антропонимический тип появляется главным образом как воплощение более поздних номинативных практик переноса готового условного имени. Кроме того, выбор антропонимов в качестве производящей основы определяется «антропоморфностью» самих реалий (особенно

---

³¹ Есть имена, по отношению к которым мы не рискуем высказывать своих версий, ср. дуб *Сыбота*: «Цякла рака з-пад дуба Сыбота, вымывала жоўтае карэнне, жоўтае каменне...» (Гомел.) [Вяргеевка, 2013, № 722], дуб *кераян*: «На синем море, на белом камене станць дуб кераян <...> престола станць, тры дзевіцы сидзяць» (Гомел., от пристрека у коровы) [ПЗ, № 790].

в сравнении с крупными ландшафтными объектами ономастической номинации в заговорах — реками, островами, горами, камнями и пр.), что поддерживается существованием не очень мощной, но все-таки реально фиксируемой традиции наделять деревья личными «посвятительными» именами. Тем самым можно со всей уверенностью говорить о том, что мифологическое сознание безошибочно причисляет деревья (как и растения вообще) к миру живой природы и именно потому присваивает им имена людей. При этом приходится признать, что выбор личного имени дерева — в тех случаях, когда речь идет об антропонимах — в ряде случаев остается произвольным и немотивированным, во всяком случае для авторов этой статьи.

Если учитывать меру условности имени (т. е. его положение на оси «имя нарицательное ↔ имя собственное»), то между этими полюсами — именами, возникшими путем онимизации апеллятивов, и отантропонимическими номинациями — располагаются два других номинативных типа, близкие друг другу: оттопонимические имена (*дуб Мамврийский*) и отэтнонимические имена (*дуб сорочинской*). Среди оттопонимических имен преобладают названия, появившиеся в ходе метонимического переноса (*дуб буян*). Их появление можно объяснить, во-первых, общеономастической традицией (топонимы — старейший разряд ономастики, имеющий самый мощный имятворческий потенциал, огромную номинативную «массу» и оказывающий несомненное влияние практически на все другие классы собственных имен), во-вторых, частным ономастическим «запросом» от самих номинируемых объектов (деревья — ландшафтные объекты), в-третьих, текстовой природой изучаемых имен (поскольку в тексте заговора имена нередко помещаются в ряд, происходит их «иррадиация», перенесение на контекстных партнеров, при этом имена деревьев становятся, конечно, не донорами метонимического переноса, а реципиентами). Что касается отэтнонимических имен, то они вызваны к жизни и логикой метонимии, и восприятием дерева как знака пограничного пространства между своими и чужими землями (ср. параллелизм в номинации деревьев в загадках и колючих растений типа мордвинника).

Вообще замечание о текстовой природе (т. е. порождении имени контекстом) ряда обозначений деревьев в заговорах верно не только в отношении логики метонимических переносов. Многие процессы, наблюдаемые при появлении имени в заговорах, объясняются, как уже не раз говорилось, именно текстовой его природой. Это не только «формальные» ассонансы, когда текст «выталкивает» определенное созвучие, лежащее в основу имени, но и концептуально значимые переключки: скажем, притяжение имен змеи (с базовым корнем *скор-*) и дуба (с корнем *стар-*).

Таким образом, «неономастический», казалось бы, материал позволяет обнаружить многие значимые процессы, проливающие свет на природу имени в тексте заговора.

Источники

- Азадовский М.* Заговоры амурских казаков // Живая старина. 1914. № 3–4. Прил. 1. С. 5–15.
- Александров А. А.* Из области ангарских суеверий. Ркп. 1896 г. Енисейский окр., с. Рыбное // АРГО. Р. 23. № 148.
- АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1980–. Вып. 1–.
- АРГО — Научный архив Русского географического общества (Санкт-Петербург).
- Баранов Е.* Из области суеверий и устной словесности терских казаков // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1899. Т. 26. С. 167–244.
- Бекетова, Колмогорцев 2001 — «Замкну замки замками»: Заговорно-заклинательная поэзия Шадринского края / сост. В. Н. Бекетова, М. А. Колмогорцев. Шадринск : Исеть, 2001.
- Бессонов П.* Калики переходные : в 6 вып. М. : Тип. А. Семена, 1861–1864.
- БП — Свод русского фольклора. Былины : в 25 т. Т. 1 : Север Европейской России: Былины Печоры / отв. ред. А. А. Горелов. СПб. ; М. : Наука : Классика, 2001.
- БС — *Романов Е. П.* Белорусский сборник. Вып. 5. Витебск : Типо-лит. Г. А. Малкина, 1891.
- Булушева Е.* Заговоры в фольклоре Саратовского Поволжья // Саратовский вестник. 1994. Вып. 4 : Заговоры. С. 1–65.
- Былины, 1986 — Былины / вступ. ст., сост., подгот. текстов и примеч. Б. Н. Путилова. Л. : Советский писатель, 1986.
- Былины, 1988 — Былины / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. М. : Советская Россия, 1988.
- Вердеревская Н. А., Разживин Л. И.* Заговоры. Елабуга : [б. и.], 1996.
- Виноградов Н.* Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. (по старинным рукописям и современным записям) : в 3 вып. СПб. : Тип. Мин-ва путей сообщения (Т-ва И. Н. Кушнерев и К°), 1907–1909.
- Воскресенский В. А.* Из быта и поэзии крестьян Новгородской губ. / публ. Д. К. Зеленина // Живая старина. 1905. № 1–2. С. 1–56.
- ВФЗИ — Вятский фольклор. Заговорное искусство / предисл. А. А. Ивановой. Котельнич : [б. и.], 1994.
- Вяргеев С. А.* «Гаючае слова роднай зямлі» (беларускія лекавыя замовы). Мінск : Барк, 2013.
- Гильфердинг, 1873 — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. СПб. : Тип. Имп. АН, 1873.
- Гладкий М.* Скотарські замовляння поліщуків // Полісся України: матеріали історико-етнографічного дослідження. Вип. 2 : Овруччина, 1995 / ред. С. Павлюк, М. Глушко. Львів : Ін-т народознавства НАН України, 1999. С. 273–292.
- Голицын Ф. С.* Заговор от лихорадки (списано со старинной рукописи) // Саратовский сборник. Материалы для изучения Саратовской губернии. Т. 2. Саратов : Губ. тип., 1882. С. 365–367.
- Голубых М. Д.* Казачья деревня / под ред. М. Феноменова. М. : Гос. изд-во, 1930.
- Гринченко Б. Д.* Из уст народа. Малорусские рассказы, сказки и пр. Чернигов : [б. и.], 1900.
- Гринченко Б. Д.* Словарь украинского языка : в 4 т. Киев : Друк. акційного т-ва Н. Т. Корчак-Новицького, 1907–1909.
- ГСБМ — Гістарычны слоўнік беларускай мовы : в 37 вып. / пад рэд. А. М. Булькі, А. І. Жураўскага. Мінск, 1982–2017.
- Давидюк, 1993 — Зоряна вода. Таємниці поліських знахарів / упор. В. Ф. Давидюк. Луцьк : Надстир'я, 1993.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 2-е изд. СПб. ; М. : Изд. М. О. Вольфа, 1880–1882 (1989).
- Добровольский В. Н.* Смоленский этнографический сборник. Ч. 1. СПб. : Тип. С. Н. Худекова, 1891.
- Добровольский В. Н.* Песни Дмитровского у. Орловской губ. // Живая старина. 1905. № 3–4. С. 290–414.

- Ефименко П. С.* Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Императорском Московском университете. Т. 30. Кн. 5. Вып. 2 : Народная словесность. М. : Типо-лит. С. П. Архипова и Ко, 1878.
- Зам-09 — Замовы / уклад. У. А. Васілевіч, Л. М. Салавей. Мінск : Беларусь, 2009.
- Замовы / уклад., сістэма тэкстаў, камент. Г. А. Барташэвіч. Мінск : Навука і тэхніка, 1992.
- Зеленин Д. К.* Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Т. 1. Пг. : Тип. А. В. Орлова, 1914.
- Зорі — Ви, зорі-зориці. Українська народна магічна поезія (Замовляння) / упор. М. Г. Василенка, Т. М. Шевчук. Київ : Молодь, 1991.
- Иванов П. В.* Знахарство, шептанье и заговоры в Старобельском и Купянском уу. Харьковской губ. // АРГО. Р. 44. № 22.
- Иващенко П. С.* Шептанья. Приложение к реферату: «Следы языческих верований в южнорусских шептаньях» // Труды 3-го Археологического съезда в 1874 г. Т. 2. Киев : В тип. Имп. ун-та Св. Владимира, 1878. С. 171–181.
- КАОС — картотека «Архангельского областного словаря» (МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва).
- Кибардин Н. Г.* Народные сказки, песни, предания и прибаутки. Вятская губ., Слободской у. // АРГО. Р. 10. Оп. 1. № 54.
- Комаров М.* Нова збирка народних малоруських приказок, прислів'їв, помовок, загадок и замовлянь. Одесса : Фесенко, 1890.
- Крашенинникова, 2001 — Заговоры Вилегодского района Архангельской области / публ. Ю. А. Крашенинниковой // Живая старина. 2001. № 3. С. 25–28.
- КСГРС — картотека «Словаря говоров Русского Севера» (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- Курец, 2000 — Русские заговоры Карелии / сост., вступ. ст., примеч. Т. С. Курец. Петрозаводск : Изд-во ПГУ, 2000.
- Лактин М. Ю.* Старинные памятники медицинской письменности. М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1912.
- Липинская, 1998 — Заговоры, молитвы и охранительные списки русского населения юга Западной Сибири / подгот. текста, предисл., терминологический словарь В. А. Липинской // Традиционный опыт природопользования в России / под ред. Л. В. Даниловой, А. К. Соколова. М. : Наука, 1998. С. 480–526.
- Ляметри П.* Некоторые черты из крестьянского быта в Мещовском уезде // Экономист. 1862. Кн. 5/6. С. 1–16.
- Ляцкий, 1912 — Стихи духовные / вступ. ст. Е. А. Ляцкого ; тексты избрал Е. А. Ляцкий при участии Н. С. Платоновой. СПб. : Искра, 1912.
- Майков, 1869 — Великорусские заклинанья / сб. Л. Н. Майкова. СПб. : Тип. Майкова, 1869.
- МАС — Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981–1984.
- Машкин А. С.* Быт крестьян Курской губернии Обоянского уезда // Этнографический сборник. 1862. Вып. 5. С. 1–119.
- Милорадович В. П.* Народная медицина в Лубен. у. Полтав. губ. // Киевская старина. 1900. Т. 69. Кн. 2. С. 160–173.
- Минёнок Е. В.* Бабка Неживая // Живая старина. 2000. № 1. С. 32–34.
- Минх А. Н.* Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии // Записки РГО по Отделению этнографии. 1890. Т. 19. Вып. 2. С. 1–152.
- Неклюдов М. Н.* Заговоры // Памятная книжка Смоленской губернии на 1909. Смоленск : Изд. Смолен. губ. стат. комитета, 1908. С. 17–24.
- НЗ — Нижегородские заговоры (в записях XIX–XX веков) / сост., вступ. ст. и коммент. А. В. Коровашко. Н. Новгород : ННГУ, 1997.

- Новицкий Я.* Твори : у 5 т. Запоріжжя : Тандем-У, 2007.
- Ордин Н.* Заговоры, собранные в Сольвычегодском уезде // АРГО. Р. 7. Д. 44.
- ОЧ — Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков / отв. ред. А. Л. Топорков, А. А. Турилов. М. : Индрик, 2002.
- Ошуркевич О.* 3 легенд і переказів села Скулина // Міфологія і фольклор. 2010. № 3–4. С. 110–121.
- ПЗ — Полесские заговоры в записях 1970–1990-х гг. / сост. Т. А. Агапкина, Е. Е. Левкиевская, А. Л. Топорков. М. : Индрик, 2003.
- Попов Г. И.* Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1903.
- Попов Х.* Заметки о народных поверьях и предрассудках // Донской вестник. Часть неофиц. 1868. № 35. С. 138.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / под ред. Л. А. Ивашко, И. С. Лутвиной, М. А. Тарасовой. Л. ; СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1967–. Вып. 1–.
- Прилежаев Е.* Обращик народного суеверия // Олонецкие губернские ведомости. Часть неофиц. 1871. № 21. С. 259–260.
- РДЭС — *Мызников С. А.* Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019.
- РЗЗ — Русские заговоры и заклинания / под ред. В. П. Аникина. М. : МГУ, 1998.
- РЗРИ — Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. / сост., подгот. текстов, статьи и коммент. А. Л. Топоркова. М. : Индрик, 2010.
- РНДС — Русские народные духовные стихи / сост. и коммент. Ф. М. Селиванов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1995.
- РО ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом). Рукописный отдел (Санкт-Петербург).
- Розанов А. И.* Простонародная медицина в Саратовском уезде // Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Т. 3. Пг. : Тип. А. В. Орлова, 1916. С. 1243–1256.
- РЭФ — Русский эротический фольклор / отв. ред. А. Л. Топорков. М. : Ладомир, 1995.
- Садовников, 1876 — Загадки русского народа / сост. Д. Садовников. СПб. : Тип. Н. А. Лебедева, 1876.
- СБГПЗБ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча : у 5 т. Мінск : Навука і тэхніка, 1978–1986.
- СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева (т. 1–5); М. Э. Рут (т. 6–). Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. Т. 1–.
- Селигер : Материалы по русской диалектологии : словарь : в 8 вып. / под ред. А. С. Герда. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2003–2020.
- СКД — Древние российские стихотворения, собранные Киршеш Даниловым / подг. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. 2-е изд., доп. М. : Наука, 1977.
- СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов. М. : Наука, 1975–. Вып. 1–.
- Смилянская, 2002 — Заговоры и гадания из судебно-следственных материалов XVIII века (Публикация Е. Б. Смилянской) // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков / отв. ред. А. Л. Топорков, А. А. Турилов. М. : Индрик, 2002. С. 99–172.
- СМУ — Словесна магія українців / передмова В. Фісуна. Київ : Бібліотека українця, 1998.
- Солодовников Д.* Материалы для изучения народного творчества Рязанской губернии // Труды Рязанской ученой архивной комиссии. 1912. Т. 25. Вып. 1. Отд. 1. С. 80–95.
- Сорокин Г. И.* Местечко Дмитровка. Херсон : Херсон. губ. зем. управа, 1890.
- СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. / под ред. П. А. Вовчок (т. 1–3), А. К. Матвеева (т. 4–7). Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987.
- Срезневский В. И.* Описание рукописей и книг, собранных для Императорской Академии наук в Олонецком крае. Т. 28. СПб. : Тип. Имп. АН, 1913.

- СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22); Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42); С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.
- СУМ — Словник української мови: у 11 т. / за ред. І. К. Білодіда. Київ: Наукова думка, 1970–1980.
- СЦСЯ — Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук. СПб.: Тип. Имп. АН, 1847.
- ТЗС — Таямніцы замоўнага слова / уклад. Ф. Штэйнера, В. С. Новак. Гомель: Беларускае агенцтва навукова-тэхнічнай і дзелавой інфармацыі, 1998.
- Тимофеев, 2013 — Материалы международных студенческих фольклорно-этнографических экспедиций Донецкого национального университета на Верхний Дон (Волгоградская и Ростовская области: 2001, 2003, 2005–2007, 2010–2012 гг.) / под общ. ред. П. Т. Тимофеева. Донецк: Юго-Восток, 2013.
- Толмачев П. М. Заговоры и поверья в Забайкалье // Сибирский архив. Журнал археологии, истории и этнографии Сибири. 1911. № 2. С. 63–75.
- Тростянский и др., 1916 — Этнографические материалы, собранные в Задонском уезде Воронежской губернии по поручению Императорской АН В. И. Тростянским, И. С. Гришкиным и др. / подгот. к печати и снабдил прим. А. А. Шахматов // Сборник Отделения русского языка и словесности. 1916. Т. 95. № 1. С. 125–158.
- ТСС — Таємна сила слова. Заговори, замовляння, заклинання / упор. Г. Бондаренко. Київ: Знання, 1992.
- Фридрих И. Д. Фольклор русских крестьян Яунлатгальского уезда. Кн. 1: Песни детские, хороводные, беседные, обрядовые, заговоры и духовные стихи. Рига: Izdota ar Kultūras fonda līdzekļiem, 1936.
- ФСЛ — Фольклор старообрядцев Литвы. Тексты и исследования. Т. 2: Народная мифология. Поверья. Бытовая магия / изд. подгот. Ю. Новиков. Вильнюс: Изд-во Вильнюс. пед. ун-та, 2009.
- ФХК — Фольклор хопёрских казаков. Материалы краеведа В. А. Апраксина / ред.-сост. И. Е. Попова, Н. Е. Котельникова, В. Л. Кляус. М.: Гос. респ. центр рус. фольклора, 2012.
- Харамов М. Суеврия, поверья, приметы, заговоры, собранные в городе Майкопе // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1904. Т. 34. Отд. 3. С. 1–22.
- ХСб — Материалы для этнографического изучения Харьковской губернии // Харьковский сборник. Литературно-научное приложение к «Харьковскому календарю». 1894. Вып. 8. С. 1–384.
- ЧК — Чарадзейныя казкі. Ч. 2 / рэд. В. К. Бандарчык. Мінск: Навука і тэхніка, 1978.
- Шейн — Заговоры, наговоры, привороты и отвороты (из рукописного сборника знахаря Каменева в с. Фонине, Васильевского у. Нижегородской губ.) // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 104 (П. В. Шейн). Оп. 1. Ед. хр. 381.
- Щапов А. П. Исторические очерки народного мирозерцания и суеврия (православного и старообрядческого) // Журнал Министерства народного просвещения. 1863. Ч. 117. № 1. Отд. 4. С. 1–73.
- Щуров И. Знахарство на Руси // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1867. Кн. 4. Отд. 5. С. 143–174.
- Янович В. М. Пермьяки // Живая старина. 1903. № 1–2. С. 52–171.
- Talko-Hryniewicz J. Zarysy lecznictwa ludowego na Rusi południowej. Kraków: Akad. Umiejętności, 1893.

Исследования

- Агапкина Т. А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: Сюжетика и образ мира. М.: Индрик, 2010.
- Агапкина Т. А. Восточнославянские заговоры от укуса змеи: темы и сюжеты, локальные особенности и славянские параллели // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XV Международный съезд славистов. (Минск, 20–27 августа 2013 г.). Доклады российской делегации / отв. ред. А. М. Молдован. М.: Дрвлекхранилище, 2013. С. 434–465.
- Агапкина Т. А. Деревья в славянской народной традиции. Очерки. М.: Индрик, 2019.

- Агапкина Т. А., Березович Е. Л., Сурикова О. Д. Топонимия заговоров Русского Севера. I: Моря и реки // Вопросы ономастики. 2018а. Т. 15, № 1. С. 65–114. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.1.004
- Агапкина Т. А., Березович Е. Л., Сурикова О. Д. Топонимия заговоров Русского Севера. II: Земли. Горы. Острова. Города // Вопросы ономастики. 2018б. Т. 15, № 2. С. 28–69. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.2.014
- Агапкина Т. А., Березович Е. Л., Сурикова О. Д. Топонимия заговоров Русского Севера. III: Камни // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 2. С. 7–68. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.2.014
- Аникин РЭС — Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2007–. Вып. 1–.
- Архипов А. А. Голубиная книга: Wort und Sache // Механизмы культуры / отв. ред. Б. А. Успенский. М. : Наука, 1990. С. 68–98.
- Бабалык М. Г. Апокриф «Беседа трех святителей» в русской рукописной книжности: исследование и тексты. Lambert Academic Publishing, 2012.
- Белова О. В. Славянский bestiарий : словарь названий и символики. М. : Индрик, 2001.
- Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Мифопоэтический образ пространства. М. : КомКнига, 2010.
- Березович Е. Л., Кучко В. С. Еще раз об этимологии рус. *мазурик* ‘мошеник’ (в свете культурно-языкового образа *мазура* в славянских традициях) // Slověne. 2017. № 1. С. 413–448.
- Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Словарь языка русского фольклора: Лексика былины. Ч. 2 : Мир человека. Курск : Курск. гос. ун-т, 2006.
- Бобунова М. А., Хроленко А. Т. Народно-поэтическая ономастика в аспекте фольклорной лексикографии // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18, № 1. С. 85–112. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2021.18.1.003
- Демиденко Е. Л. Значение и функции общефольклорного образа камня // Русский фольклор — 14 : Этнографические истоки фольклорных явлений / отв. ред. В. И. Еремина. Л. : Наука, 1987. С. 85–98.
- Журавлев А. Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А. Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу». М. : Индрик, 2005.
- Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М. : Наука, 1974.
- Куркина Л. В. Славянское слово во времени и пространстве. М. : Индрик, 2021.
- Пропп В. Я. К вопросу о происхождении волшебной сказки (Волшебное дерево на могиле) // Советская этнография. 1934. № 1–2. С. 128–151.
- Путилов Б. Н. Былины — русский классический эпос // Былины / вступ. ст., сост., подгот. текстов и примеч. Б. Н. Путилова. Л. : Советский писатель, 1986. С. 5–46.
- Сурикова О. Д. Семантика и функционирование *без*-конструкций в языке русского заговора // III Всероссийский конгресс фольклористов. Т. 1 : Актуальные проблемы российской фольклористики / сост. В. Е. Добровольская и др. М. : ГИИ, 2017. С. 192–204.
- СУС — Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л. : Наука, 1979.
- Топоров А. Л. Ономастикон Олонецкого сборника заговоров XVII в. // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15, № 1. С. 115–133. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.1.005
- Успенский Б. А. Из истории русских канонических имен (История ударения в канонических именах собственных в их отношении к русским литературным и разговорным формам). М. : Изд-во Моск. ун-та, 1969.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964–1973.
- Черепанова Е. А. Микропонимия Черниговско-Сумского Полесья. Сумы : СГПИ, 1984.
- Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера. Л. : Изд-во ЛГУ, 1983.
- ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / ред. Г. А. Цыхун. Мінск : Навука і тэхніка, 1978–. Т. 1–.

- ЭСРЯ — Этимологический словарь русского языка / под ред. и рук. Н. М. Шанского. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1963—. Т. 1—.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева, Ж. Ж. Варбот. М. : Наука, 1974—. Вып. 1—.
- Юдин А. В. Ономастикон русских заговоров. Имена собственные в русском магическом фольклоре. М. : МОНФ, 1997.
- Юдин А. В. Ономастикон восточнославянских загадок. М : ОГИ, 2007.

Рукопись поступила в редакцию 29.11.2020

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях административно-территориальных единиц России, Белоруссии, Украины и Российской империи

Амур.	Амурская область (губерния)	Майкоп.	Майкопский район Республики Адыгея; Майкопский отдел Кубанской области
Арх.	Архангельская область (губерния)	Минск.	Минская область (губерния)
Брест.	Брестская область; Брестский уезд Гродненской губернии	Могилев.	Могилевская область (губерния)
Брян.	Брянская область (губерния); Брянский уезд Орловской губернии	Нижегор.	Нижегородская область (губерния)
Витеб.	Витебская область (губерния)	Новг.	Новгородская область (губерния)
Влг.	Вологодская область (губерния)	Олон.	Олонецкая губерния
Волгогр.	Волгоградская область	Орл.	Орловская область (губерния)
Ворон.	Воронежская область (губерния)	Перм.	Пермский край; Пермская губерния
Вят.	Вятская губерния	Полтав.	Полтавская область (губерния)
Гомел.	Гомельская область; Гомельский уезд Могилевской губернии	Пск.	Псковская область (губерния)
Днепропетр.	Днепропетровская область	Ряз.	Рязанская область (губерния)
Дон.	бассейн р. Дон	Сарат.	Саратовская область (губерния)
Екатеринослав.	Екатеринославская губерния	Сиб.	Сибирь
Елабуж.	Елабужский район Республики Татарстан; Елабужский уезд Вятской губернии	Смол.	Смоленская область (губерния)
Забайк.	Забайкальский край; Забайкальская область	Сольвыч.	Сольвычегодский район Архангельской области; Сольвычегодский уезд Вологодской губернии
Калуж.	Калужская область (губерния)	Сумск.	Сумская область; Сумский уезд Харьковской губернии
Киев.	Киевская область (губерния)	Терск.	Терский район Кабардино-Балкарской Республики; Терская область
Костр.	Костромская область (губерния)	Томск.	Томская область (губерния)
Курск.	Курская область (губерния)	Харьков.	Харьковская область (губерния)
		Херсон.	Херсонская область (губерния)
		Черкас.	Черкасская область; Черкасский уезд Киевской губернии
		Чернигов.	Черниговская область (губерния)
		Яросл.	Ярославская область (губерния)

В сокращениях языков и диалектов

арх.	архангельские говоры русского языка	полес.	говоры Полесья
брян.	брянские говоры русского языка	праслав.	праславянский язык
влг.	вологодские говоры русского языка	пск.	псковские говоры русского языка
волгогр.	волгоградские говоры русского языка	сарат.	саратовские говоры русского языка
ворон.	воронежские говоры русского языка	свердл.	свердловские говоры русского языка
гомел.	гомельские говоры белорусского языка	селигер.	русские говоры бассейна оз. Селигер
горно-алт.	горноалтайские говоры русского языка	сиб.	сибирские говоры русского языка
горьк.	горьковские говоры русского языка	смол.	смоленские говоры русского языка
дон.	русские говоры бассейна р. Дон	ср.-урал.	среднеуральские говоры русского языка
заонеж.	заонежские говоры русского языка	твер.	тверские говоры русского языка
зап.	западные говоры русского языка	томск.	томские говоры русского языка
калуж.	калужские говоры русского языка	тул.	тульские говоры русского языка
карел.	русские говоры на территории Карелии	урал.	русские говоры бассейна р. Урал
костр.	костромские говоры русского языка	хабар.	хабаровские говоры русского языка
краснояр.	красноярские говоры русского языка	харьков.	харьковские говоры украинского языка
курск.	курские говоры русского языка	херсон.	херсонские говоры украинского языка
ленингр.	ленинградские говоры русского языка	чернигов.	черниговские говоры украинского языка
мурм.	мурманские говоры русского языка	чкал.	чкаловские говоры русского языка
нижегор.	нижегородские говоры русского языка	юж.-рус.	южнорусские говоры
олон.	олонецкие говоры русского языка	юж.-слав.	южнославянские языки
орл.	орловские говоры русского языка	юж.-урал.	южноуральские говоры русского языка
перм.	пермские говоры русского языка	яроsl.	ярославские говоры русского языка

Прочие

без указ. м.	без указания места записи	рукоп.	рукописный
нар.-поэт.	народно-поэтический	старообряд.	старообрядческий
общефольк.	общефольклорный	фольк.	фольклорный

* * *

Агапкина Татьяна Алексеевна
 доктор филологических наук,
 ведущий научный сотрудник отдела
 этнолингвистики и фольклора
 Институт славяноведения РАН
 119991, Москва, Ленинский пр., 32а
 E-mail: agapi-t@yandex.ru

Agapkina, Tatyana Alekseevna
 DrHab, Leading Research Fellow
 Department of Foklore and Ethnolinguistics
 Institute of Slavic Studies of the RAS
 32a, Leninsky Ave., 119991 Moscow, Russia
 Email: agapi-t@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8098-7471>

Березович Елена Львовна

доктор филологических наук,
член-корреспондент РАН, профессор,
заведующая кафедрой русского
языка, общего языкознания и речевой
коммуникации

Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: berezovich@yandex.ru

Сурикова Олеся Дмитриевна

кандидат филологических наук, старший
научный сотрудник топонимической
лаборатории кафедры русского
языка, общего языкознания и речевой
коммуникации

Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
научный сотрудник отдела диалектологии
и лингвогеографии
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
121019, Москва, ул. Волхонка, 18/2
E-mail: surok62@mail.ru

Berezovich, Elena Lvovna

DrHab, Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences, Professor, Head
of the Department of Russian Language, General
Linguistics and Verbal Communication
Ural Federal University

51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
Email: berezovich@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1688-2808>

Surikova, Olesya Dmitrievna

PhD, Senior Research Fellow
Toponymic Laboratory of the Department
of Russian Language, General Linguistics
and Verbal Communication
Ural Federal University

51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
Research Fellow,
Department of Dialectology and Linguistic
Geography
Vinogradov Russian Language Institute
of the RAS
18/2, Volkhonka St., 121019 Moscow, Russia
Email: surok62@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9526-7853>

Tatyana A. Agapkina*

Elena L. Berezovich**

Olesya D. Surikova***

*Institute of Slavic Studies of the RAS
Moscow, Russia

**Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

*** Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

Vinogradov Russian Language Institute of the RAS
Moscow, Russia

NAMES OF TREES IN EAST SLAVIC CHARMS

This paper continues the series of the authors' works on the toponymy of charms previously published in *Voprosy Onomastiki*. It deals with proper names of trees (dendronyms) in East Slavic spells coming from East Belarusian, East Ukrainian, West and South Russian territories where the considered folklore tradition is particularly prominent. The naming of revered trees is a fairly common cult practice that occurs through cultural semiotization of significant plant properties:

the most important features are the size and spreading of a tree, its situational connection with a person, the place of growth, etc. The folklore tradition (as reflected in charms) of naming trees follows the same logic, however, direct evidence of dendronyms “migration” from the real toponymic system to the texts of charms is lacking. The origins of mythodendronyms are established mainly in folklore, book and manuscript tradition. The paper explores functional features of charms that include names of trees (typically these are healing charms against fever and a snakebite). Hence, a classification of dendronyms from the point of view of their origin is proposed: deanthroponymic names (*Yevim* oak, *Erofei* tree, *Katyarina byarosa*, etc.), toponym-based names (*Mamvriy* oak, *Buyan* oak, *Lukomor* oak, etc.), ethnonym-based names (*Sorochinsky* oak, *Vereisk* oak, etc.), names derived from appellatives (*karcolist* tree, *starodub* oak, *Rakitaniy* oak, *Kindyashnoe* tree, and many others). The paper proposes etymological and motivational solutions for most of the mythodendronyms known to the authors, many of which are “opaque” and have not yet received a reliable interpretation.

Key words: microtoponymy, tree names, dendronyms, language of folklore, charms, East Slavic languages, etymology, semantic and motivational reconstruction, linguistic geography.

Acknowledgements

The contribution of O. D. Surikova was supported by the *Russian Science Foundation* (project number 17-18-01373 “Slavic Archaic Zones in the European Space: Ethnolinguistic Studies”).

- Agapkina, T. A. (2010). *Vostochnoslavianskie lechebnye zagovory v sravnitel'nom osveshchenii: Siuzhetika i obraz mira* [East Slavic Healing Charms in Comparative Coverage: Plot and Image of the World]. Moscow: Indrik.
- Agapkina, T. A. (2013). Vostochnoslavianskie zagovory ot ukusa zmei: temy i siuzhety, lokal'nye osobennosti i slavianskie paralleli [East Slavic Charms from a Snakebite: Themes and Plots, Local Features and Slavic Parallels]. In A. M. Moldovan (Ed.), *Pis'mennost', literatura, fol'klor slavianskikh narodov. Istorii slavistiki. XV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. (Minsk, 20–27 avgusta 2013 g.). Doklady rossiiskoi delegatsii* [Writing, Literature, Folklore of the Slavic Peoples. History of Slavic studies. 15th International Congress of Slavists, Minsk, August 20–27, 2013. Contributions of the Russian Delegation] (pp. 434–465). Moscow: Drevlekhranilishche.
- Agapkina, T. A. (2019). *Derevia v slavianskoi narodnoi traditsii. Ocherki* [Trees in the Slavic Folk Tradition. Essays]. Moscow: Indrik.
- Agapkina, T. A., Berezovich, E. L., & Surikova, O. D. (2018a). Toponimii zagovorov Russkogo Severa. I: Moria i reki [Toponyms in the Charms of the Russian North. I: Seas and Rivers]. *Voprosy onomastiki*, 15(1), 65–114. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.1.004
- Agapkina, T. A., Berezovich, E. L., & Surikova, O. D. (2018b). Toponimii zagovorov Russkogo Severa. II: Zemli. Gory. Ostrova. Goroda [Toponyms in the Charms of the Russian North. II: Lands. Mountains. Islands. Cities]. *Voprosy onomastiki*, 15(2), 28–69. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.2.014
- Agapkina, T. A., Berezovich, E. L., & Surikova, O. D. (2019). Toponimii zagovorov Russkogo Severa. III: Kamni [Toponyms in the Charms of the Russian North. III: Stones]. *Voprosy onomastiki*, 16(2), 7–68. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.2.014
- Anikin, A. E. (2007–). *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian Etymological Dictionary] (Vols. 1–). Moscow: Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi.
- Arkipov, A. A. (1990). Golubinaia kniga: Wort und Sache [The Book of the Dove: Wort und Sache]. In B. A. Uspensky (Ed.), *Mekhanizmy kul'tury* [Mechanisms of Culture] (pp. 68–98). Moscow: Nauka.

- Babalyk, M. G. (2012). *Apokrif "Beseda trekh sviatitelei" v russkoi rukopisnoi knizhnosti: issledovanie i teksty* [Apocrypha "Conversation of Three Hierarchs" in Russian Manuscript Books: Research and Texts]. Lambert Academic Publishing.
- Barag, L. G., Berezovskii, I. P., Kabashnikov, K. P., & Novikov, N. V. (Comps.). (1979). *Sravnitel'nyi ukazatel' siuzhetov: Vostochnoslavianskaia skazka* [Comparative Index of Plots: East Slavic Fairy-tale]. Leningrad: Nauka.
- Belova, O. V. (2001). *Slavianskii bestiarii: slovar' nazvanii i simboliki* [Slavic Bestiary: A Dictionary of Names and Symbols]. Moscow: Indrik.
- Berezovich, E. L. (2010). *Russkaia toponimiia v etnolingvisticheskom aspekte. Mifopoeticheskii obraz prostranstva* [Russian Toponymy in Ethnolinguistic Aspect: Mythopoetic Image of Space]. Moscow: KomKniga.
- Berezovich, E. L., & Kuchko, V. S. (2017). Eshche raz ob etimologii rus. *mazurik* 'moshennik' (v svete kul'turno-iazykovogo obraza mazura v slavianskikh traditsiiakh) [Once More on the Etymology of the Russian Word Mazurik 'Cheater' (in the Light of the Cultural and Linguistic Image of Mazur in Slavic Traditions)]. *Slověne*, 1, 413–448.
- Bobunova, M. A., & Khrolenko, A. T. (2006). *Slovar' iazyka russkogo fol'klora: Leksika byliny* [Dictionary of the Russian Folklore Language: Vocabulary of the Epic] (Pt. 2). Kursk: Kursk. gos. un-t.
- Bobunova, M. A., & Khrolenko, A. T. (2021). Narodno-poeticheskaja onomastika v aspekte fol'klornoj leksikografii [Folk-Poetic Onomastics in the Aspect of Folklore Lexicography]. *Voprosy onomastiki*, 18(1), 85–112. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2021.18.1.003
- Cherepanova, E. A. (1984). *Mikrotoponimiia Chernigovsko-Sumskogo Poles'ia* [Microtopony of Chernigov-Sumy Polesie]. Sumy: SGPI.
- Cherepanova, O. A. (1983). *Mifologicheskaja leksika Russkogo Severa* [Mythological Vocabulary of the Russian North]. Leningrad: Izd-vo LGU.
- Demidenko, E. L. (1987). Znachenie i funktsii obshefol'klornogo obraza kamnia [The Meaning and Functions of the General Folklore Image of the Stone]. In V. I. Eremina (Ed.), *Russkii fol'klor — 14: Etnograficheskie istoki fol'klornykh iavlenii* [Russian Folklore — 14: Ethnographic Origins of Folklore Phenomena] (pp. 85–98). Leningrad: Nauka.
- Ivanov, V. V., & Toporov, V. N. (1974). *Issledovaniia v oblasti slavianskikh drevnostei* [Research in the Field of Slavic Antiquities]. Moscow: Nauka.
- Kurkina, L. V. (2021). *Slavianskoe slovo vo vremeni i prostranstve* [Slavic Word in Time and Space]. Moscow: Indrik.
- Propp, V. Ya. (1934). K voprosu o proiskhozhdenii volshebnoi skazki (Volshebnoe derevo na mogile) [On the Origins of the Fairy Tale (Magic Tree on the Grave)]. *Sovetskaia etnografiia*, 1/2, 128–151.
- Putilov, B. N. (1986). Byliny — russkii klassicheskii epos [Bylinas as Russian Classical Epics]. In B. N. Putilov (Ed.), *Byliny* [Bylinas] (pp. 5–46). Leningrad: Sovetskii pisatel'.
- Shansky, N. M. (Ed.). (1963–). *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [An Etymological Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–). Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.
- Surikova, O. D. (2017). Semantika i funkcionirovanie bez-konstruktsii v iazyke russkogo zagovora [Semantics and Functioning of Bez-Constructions in the Language of Russian Charms]. In V. E. Dobrovol'skaya et al. (Eds.), *III Vserossiiskii kongress fol'kloristov* [The 3rd All-Russian Congress of Folklorists] (Vol. 1, pp. 192–204). Moscow: GII.
- Toporkov, A. L. (2018). Onomastikon Olonetskogo sbornika zagovorov XVII v [Proper Names in the 17th Century Olonets Codex of Verbal Charms]. *Voprosy onomastiki*, 15(1), 115–133. http://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.1.005
- Trubachev, O. N., Zhuravlev, A. F., & Varbot, Zh. Zh. (Eds.). (1974–). *Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov: praslavianskii leksicheskii fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages: Pre-Slavic Lexical Fund] (Vols. 1–). Moscow: Nauka.
- Tsykhun, G. A. (Ed.). (1978–). *Etymalogichny slounik belaruskai movy* [Etymological Dictionary of the Belarusian Language] (Vols. 1–). Minsk: Navuka i tekhnika.

- Uspensky, B. A. (1969). *Iz istorii russkikh kanonicheskikh imen (Istoriia udarenii v kanonicheskikh imenakh sobstvennykh v ikh otnoshenii k russkim literaturnym i razgovornym formam)* [From the History of Russian Canonical Names (History of Word Stress in Canonical Proper Names in their Relation to Russian Literary and Colloquial Forms)]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.
- Vasmer, M. (1964–1973). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–4). Moscow: Progress.
- Yudin, A. V. (1997). *Onomastikon russkikh zagovorov. Imena sobstvennye v russkom magicheskom fol'klore* [Onomasticon of Russian Charms. Proper Names in Russian Magical Folklore]. Moscow: MONF.
- Yudin, A. V. (2007). *Onomastikon vostochnoslavianskikh zagadok* [Onomasticon of Eastern Slavic Riddles]. Moscow: OGI.
- Zhuravlev, A. F. (2005). *Iazyk i mif. Lingvisticheskii kommentarii k trudu A. N. Afanas'eva "Poeticheskie vozzreniia slavian na prirodu"* [Language and Myth. A Linguistic Commentary on A. N. Afanasyev's *The Poetic Views of the Slavs on Nature*]. Moscow: Indrik.

Received on 29 November 2020